

Н.Н. Воропаев (Институт языкознания РАН)

N.N. Voropaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**Закономерности формирования лексических
единиц в потоке китайской речи**

Patterns of Lexical Units' Formation in the Chinese Language Stream

Аннотация

В статье анализируется явление двух форм существования слова в китайском языке, которое заключается в том, что большое количество лексических единиц китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе. Данная статья поможет выяснить, в чём причины и необходимость существования одного слова в разных количественных формах, и какие факторы являются определяющими при выборе той или иной формы слова в речи.

This paper addresses the phenomenon of coexistence of two Chinese word forms. The essence of the phenomenon is that many Chinese lexical units have two forms; although such forms do refer to one and the same thing, they tend to emerge in the language as units that differ from each other by the amount of syllables they contain. This paper attempts to explain the reasons and the rationale for existence of two different quantitative forms for one and the same word; moreover, it explores the factors that govern the choice of a particular word form by the speaker.

Ключевые слова

Китайский язык, две формы существования слова, ритмические количественно дифференцированные синонимы

Chinese language, two word forms, quantitatively different rhythmic synonyms

В настоящей статье мы попытаемся всесторонне проанализировать специфиче-

ское явление китайского языка, которое заключается в том, что большое количество лексических единиц китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе. Материалами анализа послужили все опубликованные по данной проблеме работы, которые оказались доступны нам в настоящее время.

В отличие от языков европейской системы, в которых основными структурными единицами речи являются словосочетание, слово и часть слова (корень и аффикс), т.е. величины качественного порядка, в китайском языке основными структурными единицами являются, прежде всего, величины количественного порядка — однослог и двуслог (так называемый бином) [5, 44].

Наряду со структурными единицами количественного порядка в китайском языке различаются также структурные единицы качественного порядка, т.е. словосочетание, слово и часть слова (корни и, реже, аффиксы). В отличие, однако, от европейских языков, где система качественных структурных единиц существует, так сказать, сама по себе, в китайском языке она базируется на системе структурных единиц количественного порядка, т.е. на однослоге и двуслоге [5, 50].

И действительно, с точки зрения количественного состава подавляющее количество китайской лексики представлено однослогами и двуслогами. Причём в современном китайском языке большое количество слов сосуществуют и употребляются в обеих количественных формах. Получается, что эти слова являются синонимами, которые дифференцированы по количественному составу. Эти количественно дифференцированные синонимы представлены в китайском языке в большинстве частей речи. Например:

Существительные: 国 *guo* ‘страна; государство’ — 国家 *guojia* ‘страна; государство’, 城 *cheng* ‘город’ — 城市 *chengshi* ‘город’, 车 *che* ‘автомобиль’ — 汽车 *qiche* ‘автомобиль’, 报 *bao* ‘газета’ — 报纸 *baozhi* ‘газета’.

Существительные-директивы: 上 *shang* ‘верх’ — 上边 *shangbian* ‘верх’, 东 *dong* ‘Восток’ — 东部 *dongbu* ‘Восток’, 前 *qian* ‘перед’ — 前面 *qianmian* ‘перед’, 旁 *pang* ‘око-

ло' — 旁边 *pangbian* 'около'.

Указательные местоимения: 这 *zhe* 'этот' — 这个 *zhege* 'этот', 那 *na* 'тот' — 那个 *nage* 'тот'

Глаголы: 学 *xue* 'учиться' — 学习 *xuexi* 'учиться', 选 *xuan* 'выбирать' — 选择 *xuanze* 'выбирать', 帮 *bang* 'помогать' — 帮助 *bangzhu* 'помогать', 查 *cha* 'проверять; контролировать' — 调查 *diaocha* 'обследовать; расследовать'.

Модальные глаголы: 应 *ying* 'должен' — 应该 *yinggai* 'должен', 能 *neng* 'мочь' — 能够 *nenggou* 'мочь', 可 *ke* 'можно' — 可以 *keyi* 'можно'.

Прилагательные: 美 *mei* 'прекрасный' — 美丽 *meili* 'прекрасный', 静 *jing* 'тихий' — 安静 *anjing* 'тихий', 易 *yi* 'лёгкий' — 容易 *rongyi* 'лёгкий'.

Наречия: 老 *lao* 'всегда' — 老是 *laoshi* 'всегда', 已 *yi* 'уже' — 已经 *yijing* 'уже', 多 *duo* 'какой; как' — 多么 *duome* 'какой; как'.

Предлоги: 对 *dui* 'для; к; в отношении' — 对于 *duiyu* 'для; к; в отношении', 为 *wei* 'для; ради' — 为了 *weile*/为着 *weizhe* 'для; ради, чтобы, в целях', 按 *an* 'по; в соответствии; согласно' — 按照 *anzhao* 'по; в соответствии; согласно', 据 *ju* 'на основании; по; согласно; в соответствии' — 根据 *genju* 'на основании; по; согласно; в соответствии'.

Союзы: 并 *bing* 'а также; и к тому же' — 并且 *bingqie* 'а также; и к тому же', 或 *huo* 'или; либо' — 或者 *huozhe* 'или; либо', 但 *dan* 'но; однако' — 但是 *danshi* 'но; однако', 可 *ke* 'но; однако' — 可是 *keshi* 'но; однако'.

Отрицания: 没 *mei* 'не; нет' — 没有 *meiyou* 'не; нет'.

Подобные количественно дифференцированные синонимы были обнаружены не только среди междометий, личных местоимений и некоторых категорий служебных слов. Таким образом, очевидно, что данное явление чрезвычайно распространено в современном китайском языке [37, 490].

Данная особенность лексической системы китайского языка неоднократно рас-

сма тривалась в работах си нологов. Н.Н. Коротков называл чередующиеся единицы либо вариан тами, либо лексическими вариан тами [8]. В работах В.М. Солнцева вариативность одно сло жных и дву сло жных еди ниц полу чила на зва ние «двойной формы существования слова» [14].

Н.Н. Коротков, и В.М. Солнцев вы дели ли во про с о син так сиче ских раз личиях од но сло жных и дву сло жных чле нов па ры.

Н.В. Солнцева в сво ей кни ге «Про бле мы ти по ло гии изо ли ру ющих язы ков» [15] так же в оп ре дел ён ном ас пек те рас смат рив ает это яв ле ние.

Про бле мой двух форм слова за ни ма ет ся И.Б. Куль чи цкая [9; 10].

Ки тай ские ис следо ва те ли оп ре де ля ют это яв ле ние как вы бор од но сло жно го или дву сло жно го слова. Об этой про бле ме пи са ли та кие ки тай ские ис следо ва те ли как Люй Шу ся н, Ч жу Дэ си, Фэн Шэ нли, Ли Линь ди н, Ч жан Го ся нь и мно гие дру гие.

Ана ли зи ру я прак ти ку язы ко вой де ятель но сти на ки тай ском язы ке сво ю и дру гих, как рус ско язы чных, так и тех, для ко го ки тай ский язы к яв ля ет ся род ным, мы об на ру жи ли, что у ме ние пра виль но опе ри ро вать по доб но го ро да дву мя фор ма ми слов или ко личе ствен но диф фе рен ци ро ван ны ми си но ни ма ми иг ра ет че рез вы чай но важ ную роль, как в со зда ни и, так и в по ни ма ни и по то ка ки тай ской ре чи. Од на ко, что бы вы ра бо тать у ме ние пра виль но опе ри ро вать эти ми лек си че ски ми еди ни ца ми ки тай ского язы ка не об хо ди мо в пер вую оче редь по ня ть при чи ну их су щес тво ва ни я. Нам не об хо ди мо вы яснить, в чём не об хо ди мость су щес тво ва ни я од но го слова в раз ных ко личе ствен ных фор мах, и ка кие фак то ры яв ля ют ся оп ре де ля ющи ми при вы бо ре той или иной фор мы слова в ре чи.

Важ ной осо бен но стью син так ти ки мор фем ки тай ского язы ка в со ставе ко личе ствен ных еди ниц яв ля ют ся рит ми че ские пра ви ла их со че та ни я. Смы сл рит ми че ских пра вил со сто ит в том, что ко личе ствен ная еди ни ца ки тай ского язы ка пред поч ти тель но всту па ет в син таг ма ти че ские от но ше ни я с ко личе ствен ны ми еди ни ца ми оп ре дел ён но го рит ми че ского раз ме ра. Так од но сло жная мор фе ма всту па ет в син таг ма ти че ские от но ше ни я с од но сло жной мор фе мой и тем са мы м об ра зу ет ся дву сло г или би ном. Дву сло ги пред поч ти тель но со че та ют ся с дву сло га ми. Та ким об ра зом, на ли цо тен ден ци я к ко личе ствен ной

симметрии грамматически связанных лингвистических единиц. В случае двуслогов и четырёхслов симметрия бывает полной, при сочетании односложной морфемы с двуслогом или двуслога с трёхсловом образуются асимметричные трёхсложные количественные единицы. При образовании количественных единиц ритмические правила столь же обязательны, как и синтаксические.

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д.

Результатом тенденции к формированию ритмически устойчивых количественных единиц является стяжение или сокращение числа слогов в количественных единицах китайского языка. Поскольку каждый слог значим, это приводит к изменению семантических связей между оставшимися. Эти перемены проявляются в нескольких формах. Устраняются некоторые морфемы: трёхслог 电冰箱 *dianbingxiang* ‘электрохолодильник’ сжимается до двуслога 冰箱 *bingxiang* ‘холодильник’. Происходит морфемная контракция: четырёхслог 青年少年 *qingnian shaonian* ‘юноши и подростки’ сжимается в трёхслог 青少年 *qingshaonian* ‘юноши и подростки’, пятисложная количественная единица 非典型肺炎 *feidianxing feiyan* ‘атипичная пневмония’ сжимается в устойчивый двуслог 非典 *feidian* ‘атипичная пневмония’. При образовании двуслогов 豆浆 *doujiang* ‘соевое молоко’ и 豆油 *douyou* ‘соевое масло’, в исходном двуслоге 黄豆 *huangdou* ‘соя’ устраняется постоянный эпитет 黄 *huang* ‘жёлтый’.

Ритмические правила китайской речи отражаются также и в типах синонимии в китайской лексике. Одно и то же содержание в условиях разного ритма речи передаётся лингвистическими единицами с разными ритмическими свойствами. Это оказывается возможным лишь при наличии синонимов разного количественного состава. Однослог 国 *guo* ‘страна, государство’ имеет двусложный синоним 国家 *guojia*. Они одинаковы как по

смыслу, так и по стилистической принадлежности, однако их ритмические функции различны. Каждая из этих количественных единиц используется тогда, когда по требованиям речевого ритма значение 'страна, государство' должно быть передано одно- или двусложной лексической единицей, соответственно. Таким образом, ритмическая синонимия является одной из важных особенностей лексики современного китайского языка, а ритмические правила являются одной из причин эволюции китайской лексики [17, 33—35].

Таким образом, мы вслед за М.В. Софроновым предварительно решили обозначить явление, при котором лексические единицы китайского языка, описывая один и тот же референт, возникают в речи в различном количественно-слоговом составе, как явление ритмической синонимии, однако, не уверены, что термин принадлежит ему. В свою очередь мы предлагаем в рамках нашей статьи называть слова, которые существуют в разных количественных формах, ритмическими количественно дифференцированными синонимами (РКДС), что указывает на особые структурные и функциональные признаки этих слов и на суть их специфики. Так предварительно нам становится ясно, что существование таких оппозиций обусловлено ритмическими правилами китайской речи.

Очевидно также, что явлением ритмической синонимии пронизана вся словообразовательная система китайского языка, и все действующие в китайском языке словообразовательные механизмы, как будто, подчиняются требованиям ритма. Будь то морфемная контракция или разные способы аббревиации, или создание новых слов при помощи новых аффиксов, везде можно проследить закономерности, обусловленные правилами ритма. Например, А.А. Хаматова описывая суффикс существительных современного китайского языка 坛 *tan*, который имеет значение 'мир спорта, литературы и искусства', говорит, что в последнее время словообразовательная продуктивность суффикса значительно возросла, появилось большое количество новых слов, образованных с его помощью. Этот суффикс в современном китайском языке сочетается в основном только с односложными словами, которые, в большинстве своём, представляют собой сокращения от двух- и более многосложных слов. Например: 排球 *paìqiú* 'волейбол', сокращается до 排 *paì*, 排 *paì*

+ 坛 *tan* = 排球 *paitan* ‘волейбол и связанные с ним люди’; 羽毛球 *yumaoqiu* ‘бадминтон’, сокращается до 羽 *yu*, 羽 *yu* + 坛 *tan* = 羽坛 *yutan* ‘мир бадминтона’. Поскольку сфера употребления этого суффикса ограничена односложными словами, возникает вероятность двусмысленности в понимании. Например, 电影 *dianying* ‘кино’ и 摄影 *sheying* ‘фотографирование’ оба сокращаются до 影 *ying*, и поэтому без контекста не понятно, что означает 影坛 *yingtan* ‘мир кино’ или ‘мир фотографии’. Сочетаемость 坛 *tan* лишь с односложными словами приводит к тому, что значение нового слова оказывается не совсем ясным. Например, в слове 跳坛 *tiaotan* ‘мир прыжков’ не ясно, о каких прыжках идёт речь — о прыжках в воду (跳水 *tiaoshui*), прыжках в длину (跳远 *tiaoyuan*) или прыжках в высоту (跳高 *tiaogao*). Как следствие, вопрос о том, займут ли новые слова с суффиксом 坛 *tan* прочное место в языке, ещё требует проверки временем [22, 200—202]. Вполне очевидно, что в случае с суффиксом 坛 *tan* также оказывают своё влияние ритмические правила, причём язык так подвержен им, что порой основная функция языка — передача смысла, отходит на второй план. По нашему мнению, можно говорить о том, что в китайском языке постоянно идут процессы глобальной словообразовательной стандартизации. В китайском языке сформировался стандарт слова, можно сказать «золотое сечение китайского языка», и под этот стандарт «подгоняются» все изначальные номинации. Причём стандарт этот существует в гибких формах: если семантическая нагрузка позволяет сформировать его до идеальной двусложной формы, то формируется двуслог, если же семантическая нагрузка велика для двуслога, то формируется трёхслог, в котором также действуют законы ритмики, хотя и некоторым трёхсловам ничто не может гарантировать «долгую жизнь». Причём в случае с китайским языком на количественно-слоговой состав лексических единиц оказывают влияние ещё и региональные факторы. В своём учебнике «Лексика китайского языка» А.Л. Семенов пишет: «<...> Говоря о сложносокращённых словах в китайской лексике, необходимо отметить, что язык на разных территориях развивается в разных условиях и характеризуется своими лексическими особенностями. Для

лексики Тайваня характерно широкое употребление сложносокращённых наименований там, где на материке используются словосочетания» [13, 122]. Семенас даёт примеры, некоторые из которых приведём и мы: 电玩 *dianwan* ‘электрическая игрушка’ — 电动玩具 *diandong wanju* ‘электрическая игрушка’, 教长 *jiaozhang* ‘министр просвещения’ — 教育部长 *jiaoyu buzhang* ‘министр просвещения’, 主因 *zhuyin* ‘главная причина’ — 主要原因 *zhuyao yuanyin* ‘главная причина’, 家教 *jiajiao* ‘домашний учитель’ — 家庭教师 *jiating jiaoshi* ‘домашний учитель’ [Там же]. И действительно, лексика в данном случае развивается в сравнительно разных условиях. На Тайване, где экономическая и общественная жизнь более активна, процесс глобальной дисиллабизации идёт быстрее. Однако, как нам видится, на материке видоизменения многих из этих лексических единиц неизбежны. Они могут пойти по другому пути, а могут быть просто заимствованы. Кстати говоря, слово «репетитор» или «домашний учитель» фигурирует в активном вокабуляре материкового Китая уже несколько лет именно уже в двусложной форме 家教 *jia jiao*. Например, слово «аэропорт», просуществовав недолгое время в трёхсложной форме 飞机场 *fei-jichang*, сейчас употребляется только в виде двуслога 机场 *jichang*. Многие словари не поспевают за этими процессами, поэтому актуальность нашей работы очевидна. Нам, изучающим китайский язык, необходимо прочно и ясно осознать сложные механизмы трансформации речевых единиц китайской речи, связанные с нормами благозвучия и ритма, прагматики и грамматики. Таким образом, в нашей работе под явлением ритмической синонимии мы будем понимать не только проблемы выбора между двусложным и односложным вариантами одного китайского слова, но и явления, которые касаются трансформации любых многосложных слов и даже, учитывая специфику китайского языка, словосочетаний. Такой обобщённый подход позволит нам систематизировать большую часть явлений, связанных с изменением количественно-слогового состава одного и того же китайского слова или словосочетания в потоке речи. Надеемся, что этим мы положим начало более глубокому изучению количественно-слогового состава некоторых лексических единиц китайского языка в плане преподавания китайского языка русско-

язычным студентам. Ведь хотя теоретическое описание и объяснение этих явлений существует уже долгое время, в практическом преподавании китайского языка в большинстве случаев этот аспект китайского слова до сих пор не освещается должным образом.

Интересно, что требования ритма и благозвучия в китайском языке часто приводят к примерам, которые показывают, что эти две категории порой преобладают над самой сутью языка — семантикой: например, на задней обложке книги 中国民俗 *Zhongguo minsu* ‘Народные традиции Китая’ находим надпись 文化书系 *wenhua shuxi* ‘Книжная серия «Культура»’ или ‘Серия книг о культуре’, где иероглифом 系 *xi* передано слово «серия», которое существует только в двусложном варианте 系列 *xilie* ‘серия’ и наверняка является фонетической калькой английского слова *series* ‘серия’. Как видно, здесь требования благозвучия и ритма привели даже к членению морфемы, что для китайского языка нетипично. Здесь только контекст воссоздаёт смысл «раскромсанного» слова «серия». Ещё чаще встречаются случаи когда приведение слова к ритмической, благозвучной и удобно произносимой норме приводит к утрате самого семантического ядра слова, например, в устной речи слова 甲型肝炎 *jiaxing ganyan* ‘гепатит А’, 乙型肝炎 *yixing ganyan* ‘гепатит В’ и 丙型肝炎 *bingxing ganyan* ‘гепатит С’ существуют только в двусложной форме 甲肝 *jiagan* ‘гепатит А’, 乙肝 *yigan* ‘гепатит В’ и 丙肝 *binggan* ‘гепатит С’, где, как мы видим, не произносится семантически ядерная морфема 炎 *yan* ‘воспаление’, а остаётся только морфема 肝 *gan* ‘печень’ и тип воспаления 甲 *jia* ‘А’, 乙 *yi* ‘В’ и 丙 *bing* ‘С’. Другой пример — это словосочетание «атипичная пневмония» 非典型性肺炎 *feidianxingxing feiyan*, где от полного наименования остался только двуслог 非典 *feidian*, который включает в себя морфему 非 *fei* ‘не, -а’ и часть слова 典型 *dianxing* ‘типичный’ — 典 *dian*.

Итак, цель нашей работы — проанализировать все имеющиеся в нашем распоряжении источники, суммировать все имеющиеся по данной проблематике соображения с тем, чтобы приблизиться к пониманию принципов действия механизма дисиллабизации и

ритмизации потока китайской речи на основе отдельных лексических единиц китайского языка. Актуальность работы налицо: многие студенты старших курсов языковых вузов, да и молодые специалисты часто так и не приобретают навыка правильно оперировать китайскими словами в плане количественно-слогового состава оппозиции РКДС однослог-двуслог, а тенденция сведения многих распространённых до многослога лексем современного китайского языка к двуслогу или однослогу в составе других лексем создаёт большие проблемы по быстрому и адекватному пониманию потока китайской речи русскоязычными учащимися. Приведём пример из собственного опыта. В китайскую компанию, зарегистрированную в России, приехал из Пекина с деловым визитом по очень важному и перспективному проекту инженер по фамилии 张 *Zhang* ‘Чжан’. Все китайские сотрудники компании в своей речи в бурных беседах между собой и при обращении к самому инженеру называли его не иначе как 张工 *Zhang gong* ‘инженер Чжан’, то есть сокращённо от 张工程师 *Zhang gongchengshi* ‘инженер Чжан’. Автор не сразу понял это обозначение. Аналогично слово 工程师 *gongchengshi* ‘инженер’ видоизменяется в сочетании 总工程师 *zong gongchengshi* ‘главный инженер’, то есть превращается в 总工 *zong gong* ‘главный инженер’. Наименование должности 总经理 *zong jingli* ‘генеральный директор’ при сочетании с фамилией также усекается до однослога 总 *zong* ‘генеральный’, который в сочетании с фамилией создаёт ритмически устойчивый двуслог, например, 刘总 *Liu zong* ‘генеральный директор Лю’. Ещё пример. Сопровождая гостей из Китая на поезде, мы приближались к городу Томску. Было раннее утро и обсуждалось скорое наше прибытие в город Томск на станцию Томск-1. Как это часто бывает, носители русского языка, изучающие китайский, склонны проговаривать российские имена собственные и прочие слова по-китайски полностью, во всяком случае, если нам не известны устоявшиеся в китайском языке сокращения. Так и автор этих строк оперировал словами 托木斯克一站 *Tuomusike yi zhan* ‘станция Томск-Первый’ и 托木斯克二站 *Tuomusike er zhan* ‘станция Томск-2’, что, впрочем, для китайца было совершенно не актуально, тем не менее, из

вежливости и ради поддержания разговора он спросил меня: 托木斯克是站名吗? *Tuomusike shi zhan ming ma?* ‘Томск — это название станции?’, чем ввёл меня в затруднительное положение непонимания и напряжённого размышления на минуты две-три, что, конечно же, слишком долго для акта нормальной языковой коммуникации. Дело в том, что словосочетание 站名 *zhan ming* ‘название станции’ здесь прозвучало слишком быстро, коротко и непривычно для меня, но это было совершенно по-китайски. Причем китайцы никогда не скажут в подобной ситуации эту фразу в виде 托木斯克是火车站的名称吗? *Tuomusike shi huochezhan de mingcheng ma?* ‘Томск — это название станции?’, то есть более объёмными по количественно-слоговому составу единицами, которые мы изучаем гораздо больше и которыми в своей китайской речи оперируем значительно чаще. Что же я хотел сказать этими примерами? Необходимо признать, что спонтанная, слишком быстрая и ритмизованная моментально проскальзывающими двуслогами китайская речь, в которой одни и те же понятия часто возникают в разном количественно-слоговом составе, очень часто с большим трудом воспринимается русскоязычными учащимися и молодыми специалистами. Эту проблему необходимо решать. И решать не только практическими методическими инновациями в аспекте аудирования, но и необходимо теоретически более подробно и всесторонне проанализировать эти закономерности китайского языка и вывести их в сферу относительно доступно разъясняемых и стабильно существующих правил, которые затем внедрить в учебный процесс обучения китайскому языку. По нашему мнению, в процессе обучения китайскому языку базовыми единицами и опорами должны стать однослог и двуслог, на которых необходимо сосредоточить слуховые и аналитические усилия. А количественные характеристики, варианты и специфика употребления некоторых лексем в разных количественно-слоговых формах должны описываться отдельно в лексико-грамматических комментариях.

II. Ритм и параллелизм как одни из факторов дисиллабизации китайского языка

Понятие «ритм» широко используется в различных сферах человеческой деятель-

ности. В китайском языке для обозначения данного понятия существует несколько терминологических названий: 韵律 *yunlü*, 节律 *jielü*, 节奏 *jiezou*. Для обозначения речевого ритма обычно употребляют термин 韵律 *yunlü*.

Лингвистическую сущность понятия «ритм» можно определить как закономерную повторяемость, определённое чередование соизмеримых по своему физическому объёму, сходных по своей внутренней структуре, отграниченных друг от друга языковых единиц.

Построение речи в целях создания ритма и придания ей тем самым стилистических качеств зависит в китайском языке от фонетических и семантико-грамматических факторов, определяется особенностями словообразовательных способов и композиционно-синтаксических приёмов [3, 112—113].

Как писали в своей статье Б.А. Васильев и Ю.К. Щуцкий, если ритм вообще определяется как последовательное и закономерное чередование различных, но сравнимых элементов, то в китайском языке существует много сторон, способных быть такими элементами. Поэтому не удивительно, что в Китае уже очень рано начинается теоретическое осознание ритма, которому приписывается огромное, едва ли не вселенское значение. Так уже к III в. до н.э. заканчивается выработка достаточно сложного и развитого мировоззрения, которое выражено в классической Книге перемен и в ряде примыкающих к ней текстов. Здесь особенно интересен текст 大专 *Dazhuan* ‘Великой Традиции’ иначе 希词转 *Xicizhuan* ‘Традиция афоризмов’ — анонимный и принадлежащий, вероятно, ряду авторов. С точки зрения авторов этого текста, мир представляет собой некую ткань, слагающуюся из сил света и тьмы, которые, несмотря на свою противоположность, коренятся в некоем космическом единстве — Великом Пределе — как активное и пассивное его состояние. Так созданный мир движется и развивается не стихийно, а в строго определённой последовательности, частичным и внешним выражением которой является, например, чередование ночи и дня, чередование времён года и т.п. Эта последовательность осознавалась как путь мира, по-китайски — «дао», который в «Великой традиции» определяет-

ся так: «Чередование то тьмы, то света называется путём». Не трудно заметить, что под словом «дао» здесь разумеется космический (да и всякий вообще) ритм [2, 556—557].

Так, несомненно, в древнем Китае ритм был осознан. В области языка этому способствовало ещё и то обстоятельство, что в те времена китайский язык был максимально приближен к моносиллабическому языку, т.е. в нём почти всегда совпадали границы семемы и фонемы. При этом осознавались и играли в языке социально значимую роль не только сами звучащие слова-слоги, но и беззвучные паузы между ними. Даже в современном разговорном китайском языке ведущую роль играет синтаксис, а не морфология. Последняя есть лишь функция синтаксиса. И в старом китайском языке играли значительную роль паузы (и цезуры), которые бывают особенно важны при обратном чтении многочисленных китайских палиндромов.

Итак, беззвучные паузы, словоразделы, играли в китайском языке важную роль, не менее значительную, чем роль звучащих слов. Таким образом, в любой фразе китайского моносиллабического языка уже заложена простейшая форма ритма: чередование звучащих слов-слогов и межслоговых пауз. Но дело ещё далеко не исчерпывается этим. Ещё необходимо рассмотреть случаи, когда дифференцируются по своим функциям паузы и слова. Дифференциация эта, правда, приведёт нас к выходу за пределы проблемы только ритма; приведёт нас к проблеме параллелизма [2, 557—559].

Если китайскому языку и свойственен аморфно-синтетический строй, то его аморфность следует понимать только как отсутствие внешне выраженных форм такого типа, как формы спряжения и склонения, формы степеней сравнения и т.п. Действительно, таких форм в китайском языке нет, однако в нём нельзя не заметить форм иного рода: внутренних синтагм слов. Они выражаются в том, что части предложения не безразличны к характеру окружающих слов. Внешне это выражается лишь в стабилизации порядка частей предложения. Но только благодаря этому порядку слов во фразе они приобретают свою синтаксическую определённую и, как результат её — морфологическую осознаваемость в роли определённой грамматической категории той или иной части речи. Можно полагать, что именно паузы насыщены теми или иными отношениями слов. Что же полу-

чится, если в двух фразах последовательность пауз и цезур одинаковы? Окажется, что эти фразы параллельны. Так параллелизм выводится из ритма, как частный случай его [2, 559—561].

При этом мы уже должны противопоставить слова, сохранившие своё коренное значение, формантам и соединителям. В китайской терминологии первые называются «полными», а вторые «пустыми» словами. Поэтому в ритме идёт чередование пустых и полных слов. Здесь возникает ритмический рисунок, построенный из чередования слов, обозначающих предметы, их свойства, их действия и состояния, и слов, указывающих отношения между ними. В таком ритмическом повторении (более или менее оформленного) синтаксического профиля предложений можно усмотреть явление параллелизма, столь важное для китайского языка. Так, рассмотрев самое простое ритмическое чередование звучаний и пауз, мы нашли более сложные ритмы, определённые и с метрической стороны. Наконец, переходя в область не только формы, но и содержания, находим параллелизм китайского языка. В параллелизме предложений мы видим тот же ритм, но ритм, определённый не только с количественной стороны, но и с качественной стороны. При этом необходимо отметить, что качественное содержание пауз играло большую роль, чем даже значение пустых слов, ибо китаисту часто приходится встречать фразу, в которой «пустое» слово, неправильное по значению, правильно занимает то место, которое требуется по аналогии параллелизма парной фразы. Иными словами, в китайском тексте скорее можно найти ошибочный выбор того или иного «пустого» слова, чем нарушение параллелизма. Поэтому и интерпретация «пустых слов» (а тем самым — и синтаксического профиля параллельных предложений!) должна, прежде всего, базироваться на выборе значений, удовлетворяющих оба параллельных предложения. Так качественно неиндифферентный ритм, т.е. параллелизм, выступает как грамматический комментарий одного предложения к другому, комментарий, построенный при помощи метода аналогий [2, 561]. Далее авторы пишут, что «известны случаи, когда в разночтениях текста можно заметить полное безразличие к выражению причинной связи или к её латентности, наряду с отсутствием этого безразличия в отношении ритма. Можно также указать случаи,

когда изменялся выбор даже «полных» слов, но сохранялся хотя бы простой счётный ритм (т.е. вернее метр!). Так, например, в Главе 27 «Дао дэ цзин» находим фразу 擅计不用筹策 *shanji bu yong chouce* ‘искусный счётчик не пользуется счётами — расчётами’. В некоторых изданиях эта фраза зарегистрирована в форме 擅算者无筹策 *shan suanzhe wu chouce* ‘кто искусно исчисляет — лишён счетов-расчётов’. Как видим, изменены выбор слов и их взаимные связи. Но неизменным остался трёхстопный ямб, хотя эта фраза и выпадает из ритма (пятисложных) предыдущих и последующих фраз. Впрочем, это и не удивительно: не следует упускать из виду, что эти древнекитайские памятники создавались начётчиками для начётчиков, среди которых было принято учить наизусть и цитировать целые книги. Известно, что память лучше удерживает фразы с обработанным поэтическим ритмом, а не со случайными ритмами разговорного языка. Поэтизация текста, как мнемотехнический приём — явление хорошо документированное. Поэтому и в данном случае традиция в первую очередь сохраняла ритм и лишь общее содержание, пренебрегая конкретным выбором слов. Таких примеров особенно много в буддийской литературе сутр, предназначенной для скандирования облечённой в подавляющем большинстве случаев в четырёхсложные счётные ритмы (без соблюдения параллелизма синтагм). Со времени появления такой буддийской литературы, на протяжении III—V вв. н.э., в противоположность ей китайские литераторы-небуддисты с особенной силой развивают языковые параллелизмы. Эти писатели проявляли большую заботливость по отношению к стилю и к точности выражения мысли, художественного образа. Буддийские же авторы (в начале этого периода чаще всего не китайцы!) проявляли полную индифферентность к вопросам стилистики. С тех пор как небуддийские писатели выдвинули параллелизм на ведущее место китайской стилистики, его уже нельзя игнорировать. Он пронизывает собою китайский язык в самых разных направлениях [2, 562—563].

Дальнейшим развитием параллелизма явилось распространение его как своего рода грамматического автокомментария, построенного на принципе аналогии. В порядке необходимого преодоления моносиллабического однообразия в это время (т.е. около IV в.

н.э.) начинается массовое словотворчество скрещенных слов. И в них в самых широких размерах проникает параллелизм. Вскоре он распространяется настолько, что понимать китайский текст без учёта параллелизма становится невозможно [2, 563].

Итак, в древнекитайском языке слова в подавляющем большинстве были односложными. Однако с началом доциньской эпохи (периоды Чуньцю и Чжаньго) общественное развитие привело к необходимости порождения большого количества новой лексики, и тогда в целях избежания возрастания количества омонимов и с тем, чтобы устранить явление двусмысленности, которое влияло на языковую коммуникацию, в китайском языке начался процесс увеличения количества слогов в слове [31, 284].

Согласно научной статистике, в восьми крупных литературных произведениях доциньской эпохи общее количество многосложных слов уже составило 3432 слова (не считая имён людей и топонимов). Если исключить редуцированные однослоги, то количество многосложных слов составило 2772 слова, что равно 20% от числа однослогов (расчёт производился из примерного количества однослогов в 10 000 слов). Эти многосложные слова в основном были представлены двуслогами [37, 499]. В словаре «Мэнцзы цыдянь» (孟子词典) односложные слова составляют около 66%, а многосложные — около 34%. Однако за многие сотни лет существования и развития китайского языка в нём произошли коренные изменения [4, 19].

Например, как сообщает Ма Чжэнь [31, 284—302], в «Шицзине» и в «Цзочжуане» слово 官 *guan* ‘чиновник’ употреблялось в трёх значениях:

1) 行政机关 *xingzheng jiguan* ‘административное учреждение’ (микрореконтекст: 不见宗庙之美, 白官之富 / 论语 • 子张 / — *Bu jian zongmiao zhi mei, baiguan zhi fu* ‘Не стало в государстве былого благородства, а в ведомствах — достатка’, «Луньюй», «Цзычжан»);

2) 行政机关的长官 *xingzheng jiguan de zhangguan* ‘начальник административного учреждения’ (микрореконтекст: 君薨, 白官总已以听于冢宰三年 / 论语 • 宪问 / — *Jun hong, baiguan zong ji yi ting yu zhongzai san nian* ‘После смерти князя, начальники всех

ведомств в течение трёх лет всегда с уважением относились и повиновались советнику по делам личного состава’, «Луньюй», «Сяньвэнь»);

3) 行政职务 *xingzheng zhiwu* ‘административная должность’ (микрореконтекст: 祁午得位, 伯华得官 / 左传 · 襄公三年 / — *Qiwu de wei, Bohua de guan* ‘Циу получил титул, а Бохуа получил должность’, «Цзочжуань», третий год правления Сян Гуна).

И чтобы устранить эту ситуацию многозначности и двусмысленности, в период Чунью и Воюющих Царств появились четыре двусложных слова:

1) 官府 *guanfu* ‘органы власти’ (микрореконтекст: 及都邑官府, 其白吏肃然 / 荀子 · 强国 / — *Ji duyì guanfu, qí bǎilǐ sùrán* ‘И даже все чиновники органов власти столицы и всех городов службу несут образцово’, «Сюньцзы», «Как укрепить государство»);

2) 官长 *guan zhang* ‘старший чиновник’ (микрореконтекст: 贤者举而上之, 富而贵之, 以为官长 / 墨子 · 上贤中 / — *Xianzhe ju er shang zhi, fu er gui zhi, yi wei guan zhang* ‘Талантливых и способных рекомендовать императору, дать им средства и положение с тем, чтобы они стали руководителями высшего звена’, «Моцзы», «Шансяньчжун»);

3) 官吏 *guanli* ‘чиновники, чиновничество’ (микрореконтекст: 官吏豪杰与计坚守者... ..., 皆师赐公乘 / 墨子 · 号令 / — *Guanli haojie yu ji jianshouzhe, jie shi ci gongsheng* ‘Чиновники и герои, защищая город, стояли насмерть, всем согласно уложению был дарован наградный титул гуншэна’, «Моцзы», «Хаолин»);

4) 官职 *guan zhi* ‘должность’ (микрореконтекст: 臣有臣之威仪, 其下畏而爱之, 故能守其官职, 保族宜家 / 左传 · 襄公三年 / — *Chen you chen zhi weiyi, qixia wei er ai zhi, gu neng shou qi guan zhi, baozu yijia* ‘Чиновники умеют показать свою солидность и достоинство, народ при этом относится к ним с благоговейным трепетом и любит их, поэтому чиновники могут сохранять за собой свои должности, защищать свой род и приносить пользу своей семье’, «Цзочжуань», Третий год правления Сян Гуна) [31, 284—302].

Конечно же, основная масса двусложных слов стала появляться после периода

эпохи династий Цинь-Хань (3 в. до н.э. — 3 в. н.э.), и особенно в начале 20 века. В современном китайском языке явно заметна тенденция превращения лексики в двусложное большинство, двуслоги постепенно занимают главенствующие позиции [37, 499—500]. Ныне в китайском языке многосложных слов значительно больше, чем односложных. Согласно подсчётам, проведённым китайскими исследователями, односложные и многосложные слова соответственно составляют 24,6% и 75,4% [12, 84].

Ма Чжэнь причинами дисиллабизации указывает лишь устранение двусмысленности и упрощение актов коммуникации. Разумеется, это очень понятные причины. В то же время, как нам видится, не менее важными были и факторы стремления к ритмически устойчивым и благозвучным, удобным для произнесения единицам. Как указывают Б.А. Васильев и Ю.К. Щуцкий, момент параллелизма может быть найден даже в пределах одного двусложного слова (в их терминологии *compositum'a*), которое, сохраняя ясное различие составляющих его слагаемых, выступает и осмысливается как некое единство. В таком единстве (построенном по типу санскритских *dvandva*) нельзя не заметить параллелизм хотя бы в примитивнейшей его форме и в нём очевидно единство противоположностей [2, 564].

В этой же главе хотелось бы затронуть такое интересное и специфическое явление китайской лексики, как рифмованные двуслоги. Как пишет в своей книге Чан Цзиньюй, «китайский язык чрезвычайно чуток к фонологической согласованности и гармонической мерности, особенно это заметно в двусложных словах с совпадающими инициалами и в двусложных словах с рифмующимися финалями, в этом проявляется специфическая психология китайской нации, психология стремления к симметрии и гармонии» [26, 13]. В традиционной китайской филологии двусложные слова с неразрывной структурой, двусложные слова с совпадающими инициалами и двусложные слова с рифмующимися финалями называются 联绵词 — «ляньмяньцы». В современной лингвистике под термином «ляньмяньцы» принято понимать двусложное слово, обозначающее одно понятие и состоящее из одной морфемы. В настоящее время исследователи выделяют следующие основные характеристики слов такого типа:

1. Неразложимость.
2. Повторяемость фонетических элементов слова:
 - а) слоги с одинаковыми инициалами;
 - б) слоги с одинаковыми финалями.

В некоторых случаях инициали и финали слогов не совпадают; как правило, в словах такого типа каждый из слогов по отдельности не имеет лексического значения и ни при каких условиях не может употребляться самостоятельно. Например, 茉莉 *moli* ‘жасмин’.

3. Графическая вариативность написания.

В современном китайском языке слов, отличающихся подобными свойствами, не так много, обычно они встречаются в поэтических текстах при описании пейзажей либо являются ботаническими или зоологическими терминами. Словообразовательные возможности их, как, впрочем, и всех слов, представленных многосложными морфемами, невелики [21, 108—110].

Составляя свой «Сборник двусложных слитных слов» (“ 联绵字谱 ”) известный филолог Ван Говэй только из «Шицзина», «Шуцзина», «Ицзина», «Чжоули» (Книга этикета эпохи Чжоу), «Цзочжуань», «Шовэнь Цзецзы», «Эрья» и «Чусских строф» выписал две с лишним тысячи двусложных слов с совпадающими инициалами или рифмующимися финалями. Составленный в начале 20-ого века Фу Динъи «Словарь двусложных слитных слов» (“ 联绵字典 ”) включает в себя 27 000 словарных статей, среди которых не мало слов именно двусложных и с совпадающими инициалами или с рифмующимися финалями [26, 13—14]. Приведём примеры двусложных слов с совпадающими инициалами: 琉璃 *liuli* ‘глазурь’, 蜘蛛 *zhizhu* ‘паук’, 琵琶 *pipa* ‘пипа’ — музыкальный инструмент, 尴尬 *ganga* ‘испытывать неловкость’, 吩咐 *fenfu* ‘велеть’, 秋千 *qiuqian* ‘качели’, 踌躇 *chouchu* ‘колебаться’, 慷慨 *kangkai* ‘щедрость’, 淋漓 *linli* ‘сочиться’, 琳琅 *linliang* ‘дорогие и красивые вещи’, 鸳鸯 *yuanyang* ‘мандаринская утка; дружные супруги’, 蟾蜍 *chanchu* ‘жаба’, 仓促 *cangcu* ‘впопыхах; наспех; поспешный’, 游弋 *yoyu* ‘крейсировать’.

Рассмотрим примеры двусложных слов с рифмующимися финалями: 盘桓 *panhuan* ‘медлить, мешкать’, 馄饨 *huntun* ‘пельмени с бульоном’, 喇叭 *laba* ‘труба’ — музыкальный инструмент, 徘徊 *paihuai* ‘бродить’, 窈窕 *yaotiao* ‘очаровательный’, 朦胧 *menglong* ‘тусклый’, 蜻蜓 *qingting* ‘стрекоза’, 玫瑰 *meigui* ‘роза’, 彷徨 *panghuang* ‘блуждать’, 蹁跹 *pianxian* ‘порхать’, 蓓蕾 *beilei* ‘бутон’, 肮脏 *angzang* ‘грязный’, 哆嗦 *duosuo* ‘дрожать, трястись’, 逍遥 *xiaoyao* ‘блаженствовать’, 翡翠 *feicui* 1. ‘зимородок’; 2. ‘жадеит’, 葫芦 *hulu* ‘тыква-горлянка’, 霹雳 *pili* ‘удар грома’.

Из выше приведённых примеров видна ментальная направленность ханьской нации к эстетическому восприятию и воспроизводству слов. И будь это симметрия количественных единиц, или созвучие по совпадающим инициалам и рифмовка по финалям, всё это создаёт изысканное очарование, специфику ритма, читать это очень удобно, благозвучно при восприятии на слух, легко запоминать и воспроизводить, такие явления не так часто встречаются в других языках. Вполне очевидно, что явление рифмующихся слогов также стало одним из факторов, стимулирующих развитие в китайском языке тенденции к формированию стандарта слова в виде двуслога.

В современном китайском языке стремление довести лексическую единицу до двусложного состава является важнейшей тенденцией ритмической структуры китайской речи.

III. Освещение проблемы ритмической синонимии в сравнительно-типологическом аспекте

Проблемы ритмической синонимии в сравнительно-типологическом плане касалась Н.В. Солнцева [15]. В терминологии Н.В. Солнцевой это явление рассматривается как чередование сложного слова с его односложным вариантом в речи. Как пишет Н.В. Солнцева, одной из ярких особенностей сложных слов изолирующих языков является чередование их обычной двусложной формы с тем или иным их односложным компонентом, который метонимически берёт на себя выражение значения всего этого слова. Данное явление отмечается практически во всех изолирующих языках ареала Восточной

Азии — в чамском языке, кхмерском, тайском, пупео, мео, чру, лаха и т.п. Так, например, во вьетнамском языке наряду с двусложным словом *can phaj* ‘должно, следует’ в том же значении может встретиться каждый из компонентов *phaj* и *can*. В китайском языке вместо сложного слова 汽车 *qiche* ‘автомобиль’ в определённом контексте может встретиться его односложный компонент 车 *che*, который не имеет значения ‘автомобиль’ сам по себе, означая любое транспортное средство. В пупео отмечены следующие случаи чередования: *len gu* — *gu* ‘деревня’; *sam paw* — *sam* ‘друг’; *pe sie* — *sie* ‘муж’; *nhing saj* — *saj* ‘магазин’; *nhwok kaj* — *nhwok* ‘урожай’ и т.д. [15, 179].

Между тем чередования характерны не для всех разновидностей сложных слов в данных языках. Из четырёх наиболее распространённых моделей сложных слов подобного рода чередования возможны только у слов атрибутивной модели и глагольно-объектной модели. В этих моделях один из компонентов является стержневым и определяющим категориальную принадлежность этих слов. Обычно он несёт основную лексическую нагрузку в общем значении слова. Именно такой стержневой компонент в определённом контексте берёт на себя функцию передачи значения данного сложного слова. Ничего подобного не наблюдается в словах, построенных по копулятивным (с антонимичным соотношением компонентов) и результативным моделям. В словах, построенных по двум последним моделям, ни один из компонентов не может быть назван стержневым. В формировании сложных слов данной модели в равной мере участвуют оба компонента. Таким образом, важнейшим условием для того, чтобы сложное слово могло заменяться одним из его компонентов, является наличие в составе данного слова стержневого компонента, который несёт на себе основную семантико-грамматическую нагрузку (и в копулятивной, и в результативной модели оба компонента несут равную нагрузку). Другое условие метонимического замещения — это слоговой характер стержневого компонента, который фонетически равен односложному слову.

Следует заметить, что имеется ещё два условия, которые ограничивают возможность метонимической замены слова его компонентом: 1) синтаксически несамостоя-

тельный характер стержневого компонента; 2) отсутствие этимологической прозрачности.

Чередование сложного слова с его компонентом, метонимически берущего на себя выражение значения целого, является одним из случаев многочисленных чередований односложной и двусложной лексических единиц в изолирующих языках. При внешнем сходстве приведённых выше примеров — 车 *che* вместо 汽车 *qiche* ‘автомобиль’ и *can* вместо *can phai* ‘должно’ — эти случаи следует рассматривать как разные виды чередований. Во втором случае мы не можем говорить, что *can* берёт на себя метонимическое выражение целого — двусложного слова, потому что оно само по себе имеет то же значение, что и двусложное слово, независимо от контекста. Таким образом, Н.В. Солнцева говорит, что в изолирующих языках имеется два вида чередований: чередование двух форм существования слов (вслед за В.М. Солнцевым) и чередование по метонимии.

Если явление двух форм существования слов, по-видимому, есть историческое чередование и представляет собою проявление сдвига в количественной норме слова, то чередование, при котором один компонент берёт на себя метонимическое выражение целого, происходит в условиях уже сложившейся двусложной нормы слова. В самом деле, если в китайском языке слово 房 *fang* ‘дом’, безусловно, предшествует слову 房子 *fangzi* ‘дом’, а слово 眼 *yan* ‘глаз’ предшествует слову 眼睛 *yanjing* ‘глаз’, точно так же, как слово 事 *shi* ‘дело’ предшествует слову 事情 *shiqing* ‘дело’, то мы не можем считать, что слово 飞机 *feiji* ‘самолёт’ родилось на базе слова 机 *ji* с тем же значением, поскольку слово 机 *ji* никогда значением ‘самолёт’ не обладало и только в контексте (например: 机翼 *jiyi* ‘крыло самолёта’, 机场 *jichang* ‘аэропорт’, 机长 *jizhang* ‘командир самолёта’, 机舱 *jicang* ‘кабина самолёта’, 机身 *jishen* ‘фюзеляж самолёта’, 机尾 *jiwei* ‘хвостовое оперение самолёта’, 专机 *zhuANJI* ‘специальный самолёт’; ‘спецрейс’, 客机 *keji* ‘пассажирский самолёт’, 大型班机 *daxingbanji* ‘авиалайнер’, 护航机 *huhangji* ‘самолёт сопровождения’, 客货两用机 *kehualiangyongji* ‘грузо-пассажирский самолёт’, 机务大队 *jiwudadui* ‘инженерно-авиационный отряд’, 机组人员 *jizurenyuan* ‘экипаж самолёта’, 机上服务员

jishangfuwu yuan ‘стюард’) метонимически приобретает это значение (само по себе 机 *ji* обозначает ‘прибор’, ‘аппарат’, ‘механизм’).

Два вида чередований демонстрируют разные процессы, происходящие в сфере внутренней морфологии. Если в случае двух форм существования слов движение идёт от однослога к двуслогу, то при метонимическом использовании однослога вместо двуслога движение идёт от двуслога к однослогу. В первом случае двуслог включает в себя семантику однослога, которая становится его собственной семантикой. Во втором случае семантика однослога только участвует в формировании семантики двуслога, но не совпадает с его семантикой. Однослог продолжает существовать в языке в своём исходном значении и только в определённых контекстах приобретает значение того сложного слова, в формировании которого он участвовал. Таково различие этих двух видов чередования. Их сходство состоит в том, что в обоих случаях происходит как бы чередование односложной единицы с двухсложной [15, 179—181].

Использование односложных компонентов при чередовании вместо многосложных есть проявление тенденции экономии языковых средств.

В подобном чередовании ряд учёных видит проявление сближения свойств морфем и односложных слов в изолирующих языках. Не берясь оспаривать данное положение, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что подобное проявление сближения названных единиц каждый раз обнаруживается только в строго регламентированных ситуациях. Метонимическое использование компонента вместо целого возможно только в структурных типах моделей А (атрибутивная модель) и С (глагольно-объектная модель) и исключено совершенно в типе D (результативная модель) и в типе В (копулятивная модель), если этот структурный тип состоит из антонимичных основ. В данном случае превалируют особенности структурной организации единиц, а не сближение свойств простого слова и морфемы.

При метонимическом использовании части вместо целого всегда имеется возможность «достроить» недостающую часть и получить целую сложную единицу. Здесь имеет место картина, сходная с эллиптическим употреблением частей предложений, которые

легко восстанавливаются до полного состава. Поэтому использование части слова вместо целого может быть оценено, в свою очередь, как эллиптическое употребление. Но всякий эллипс всегда предполагает существование целой единицы, без которой понятие эллипса теряет смысл. Следовательно, эллиптическое употребление не только не есть свидетельство отсутствия сложной единицы как самодовлеющей единицы, но, наоборот, косвенно подтверждает её наличие.

Именно двусложная единица выступает в китайском языке как полностью независимая от условий контекста и окружения. Именно она наиболее полно реализует все важнейшие свойства слова, и именно она полностью отвечает критериям выделяемости отдельного слова.

Многие явления, составляющие специфику типологически близких языков, могут встретиться и в языках иных типов, где это явление уже не относится к числу специфических особенностей данного языка. Явления метонимического использования части слова вместо целого, которые можно оценивать как своего рода эллипс на словарном уровне, встречаются, например, во флективных языках, и в частности, в русском и немецком. Так, в современном русском языке в словах *радио-* и *фототовары* эллиптированные единицы (*радио-*) присоединяются к последующему слову с помощью союза *и*. Они могут занимать и постпозицию по отношению ко второй части сложной единицы, например: *кругом были камеры — фото-, теле-, кино-*. Такие единицы могут наряду с полными словами выстраиваться в определительные цепочки: *В секциях многим находят занятия по душе: альпинизм, горный, спелео-, авто- и водный туризм*. Части слов русского языка подобным употреблением демонстрируют определённую самостоятельность и «словесность».

Наличие таких явлений, видимо, не обусловлено свойствами одних только изолирующих языков. Возникновение подобных эффектов, по-видимому, есть следствие существования сложных слов вообще. И везде замена слова его частью может реализоваться, как отмечалось выше, в том случае, когда соответствующие части слов имеют достаточную протяжённость (равны слогу), а также имеют определённую понятийную окраску, т.е.

обнаруживают такие свойства, которые позволяют им уподобляться словам. Специфика языка определяется в данном случае не наличием или отсутствием данного явления, а степенью его распространённости.

Чередование же слов и их частей в изолирующих языках есть регулярный и достаточно нормативный способ их существования. Если подобное чередование рассматривать как вариативность, то можно сказать, что сама норма в данном случае проявляется в виде вариативности, и поэтому, по-видимому, нет оснований полагать, что эта вариативность исчезнет по мере развития этих языков [15, 178—183].

IV. Ритмические факторы, влияющие на выбор РКДС

Особенностью грамматической структуры китайского языка является то, что в основе его структуры лежат не качественные, как в европейских языках, единицы — морфема, слово, словосочетание, а количественные синтагматические единицы, состоящие из одного или двух слогов, которые А.А. Драгунов называет «однослог» и «двуслог». Естественно, что в китайском языке существуют и качественные единицы — морфемы, слова, словосочетания, однако они все должны структурно реализоваться в форме однослога, двуслога или сочетаний, состоящих из однослогов и двуслогов [5, 44].

В силу указанных причин односложная морфема китайского языка довольно редко выступает самостоятельно. Чаще всего она употребляется в сочетании с другой односложной морфемой или входит в состав лингвистической единицы более высокого уровня. Минимальным сочетанием морфем современного китайского языка является двуслог. Он представляет собой минимальный контекст, достаточный для проявления синтаксических и ритмико-акцентуационных отношений между образующими его морфемами.

Наиболее существенным отличием китайских количественных единиц от слов европейских языков является развитая система семантического взаимодействия слоговых морфем в их составе.

Семантическое взаимодействие слоговых морфем в составе количественных единиц китайского языка, в целом, направлено на описание референта. Однако при этом попутно решается и другая задача, которая не является существенной для словообразования

европейских языков. Эта задача состоит в том, чтобы количественная единица не только описывала свой референт, но также и соответствовала ритмическим правилам образования количественных единиц. Пути решения этих задач особенно явственны в двуслогах. В большинстве двуслогов описание референта проводится средствами семантики обеих составляющих морфем. Их значение бывает равно сумме значений их морфем. Поэтому с точки зрения их семантики такие двуслоги аддитивны. Однако в части двуслогов одна слоговая морфема является главной, а другая второстепенной, которая принимает лишь косвенное участие или совсем не принимает участия в описании референта. Роль такой второстепенной морфемы по существу формальна: в составе двуслога она реализуется как слог, но не как значимая единица речи. Однако благодаря её присутствию основная слоговая морфема приобретает ритмическую форму двуслога. Ввиду того, что её значение не принимает участие в описании референта, двуслоги, в составе которых имеются такие морфемы, по характеру семантического описания неаддитивны. Семантика количественных единиц последующих уровней — трёхсловов и четырёхсловов — обычно бывает аддитивной.

Существуют три способа образования неаддитивных двуслогов. В двуслогах с сочинительной структурой, которые состоят из двух синонимичных морфем, значение двуслога образуется повторением одного и того же смысла. Поэтому его значение оказывается равным значению любой из этих морфем. В двуслогах с подчинительной структурой неаддитивные значения создаются с помощью повторения семантического компонента в одной из его морфем. В двуслогах 黄金 *huangjin* ‘золото’ (букв. ‘жёлтое золото’), 白银 *baiyin* ‘серебро’ (букв. ‘белое серебро’), 青草 *qingcao* ‘трава’ (букв. ‘зелёная трава’), и т. п. Признак 黄 *huang* ‘жёлтый’, 白 *bai* ‘белый’, 青 *qing* ‘зелёный’ совпадают с семантическими компонентами ‘желтизна’, ‘белизна’, ‘зелень’, присутствующими в сигнификациях морфем 金 *jin* ‘золото’, 银 *yin* ‘серебро’, 草 *cao* ‘трава’. В перечисленных двуслогах определение, выраженное прилагательным, указывает на реальный признак предмета. Он может быть также и условным: 老虎 *laohu* ‘тигр’ (букв. ‘старый тигр’), 麻雀 *taque* ‘воро-

бей' (букв. «конопляный воробей»), 仙鶴 *xianhe* 'журавль' (букв. 'мудрый журавль'), 喜鵲 *xique* 'сорока' (букв. 'весёлая сорока') и т.п. Определения, выраженные прилагательными при названиях животных, являются их постоянными эпитетами в соответствии с их свойствами по традиционному бестиарию. Очевидно, что цель этого вида семантического плеоназма состоит также и в том, чтобы реализовать в речи некоторый смысл в соответствующей ритмической форме. В двуслогах-гипонимах, состоящих из родового термина и видового определения, которое может быть выражено как именем, так и прилагательным, определение, выраженное прилагательным, также может быть как реальным, так и условным. В 白狐 *baihu* 'песец' (букв. 'белая лисица'), 黑楊 *heiyang* 'осокорь' (букв. 'чёрный тополь'), 紅茶 *hongcha* 'байховый чай' (букв. 'красный чай') определение указывает реальное видовое отличие референта. Однако оно может указывать условное видовое отличие: 小麦 *xiaomai* 'пшеница' (букв. 'малый злак'), 大麥 *damai* 'ячмень' (букв. 'большой злак'), которое реально не имеет отношения к размеру самого злака.

В двуслогах глагольного управления повторение семантических компонентов управляющей глагольной морфемы и управляемой именной образуется с помощью так называемого «пустого объекта»: 說話 *shuohua* 'говорить слова', 吃飯 *chifan* 'есть еду', 唱歌 *changge* 'петь песни' и т.п. [18, 321—322].

Устойчивость количественных единиц китайского языка непосредственно связана с проблемами ритма. М.К. Румянцев экспериментально показал, что длительность слога китайского языка в связной речи примерно одинакова и не зависит от фонемного состава [11, 8—14]. Иначе говоря, слог типа 書 *shu* 'книга' и слог типа 順 *shun* 'благополучно' делятся в речи примерно одинаковое время. Это делает слог удобной метрической единицей китайского языка. Традиционное стихосложение, основанное, несомненно, на некоторых достаточно глубоких ритмических законах китайского языка, знает следующие стихотворные размеры: четырёхсложный с цезурой после второго слога, т.е. (2+2), пятисложный с цезурой после второго слога, т.е. (2+3), семисложный с цезурой после третьего слога, т.е. (3+4). Иначе говоря, и здесь наблюдаются те же комбинации двуслогов,

трёхслогов и четырёхслогов, что и в разговорной речи. Отсюда следует, что речевой такт китайской речи наиболее естественно может быть разделён на две, три или четыре части.

Ритмическое членение текста неизбежно пересекается с его синтагматическим членением. Традиционное стихосложение считает правильным стих, представляющий собой определённое грамматическое единство — одну или несколько целых синтагм. Поэтому наиболее устойчивыми синтагматическими единицами в китайском языке оказываются такие, где синтагматическое и ритмическое членение совпадают. Каждый двуслог китайского языка представляет собой замкнутое целое, связанное определённой грамматической связью. Это тем более относится к трёхслогам и четырёхслогам.

Итак, двусложные слова современного китайского языка далеко несвободно сочетаются с односложными. Причиной является их различная ритмическая характеристика, а также и то, что односложная и двусложная лексика — это различные стилистические уровни китайского языка.

Ввиду того, что ритм играет существенную роль в китайском языке, китайское слово может принимать различные количественные формы в зависимости от требования ритма. Так, например, наряду с односложным 街 *jie* ‘улица’ существует также слово 街道 *jiedao* с тем же значением. Очень часто одно и то же смысловое содержание может быть передано как двумя слогами, так и четырьмя. Четырёхсложным сочетаниям 打扫街道 *dasao jiedao* ‘подметать улицу’, 编写剧本 *bianxie juben* ‘писать пьесу’, 保护森林 *baohu senlin* ‘охранять леса’, 环境保护 *huanjing baohu* ‘защита окружающей среды’ соответствуют двусложные 扫街 *sao jie*, 编剧 *bian ju*, 护林 *hu lin*, 环保 *huan bao* с тем же значением.

Однако не все четырёхслоги могут быть преобразованы в двуслоги и наоборот. В каждом случае эту возможность можно объяснить семантическими или ритмическими соображениями [16, 30—31].

В китайском языке речевой поток легко делится на отрезки из двух, трёх и четырёх слогов. Действительно, в речи можно встретить значительное количество синтагм,

состоящих из трёх слогов, однако устойчивые сочетания из трёх слогов встречаются неизмеримо реже, чем устойчивые сочетания из двух и четырёх. Трёхсложная терминология очень часто сокращается до двух слогов. Например, ещё 50 лет назад начальная школа называлась 小学校 *xiaoxuexiao*, средняя — 中学校 *zhongxuexiao*, высшее учебное заведение — 大学校 *daxuexiao*, однако в настоящее время они называются просто 小学 *xiaoxue* ‘начальная школа’, 中学 *zhongxue* ‘средняя школа’, 大学 *daxue* ‘университет’ [16, 31]. Более свежий пример: слово 飞机场 *feijichang* ‘аэропорт’ постепенно трансформировалось из трёхсложного слова в двусложное 机场 *jichang* ‘аэропорт’, и теперь употребляется преимущественно в виде двуслога. Причём здесь процессы вымещения морфемы 飞 *fei* ‘летать; летательный’ видимо были инспирированы дополнительными атрибутивными единицами, например: 国际机场 *gouji jichang* ‘международный аэропорт’, 民用机场 *minyong jichang* ‘гражданский аэропорт’, 军用机场 *junyong jichang* ‘военный аэропорт’. И видимо, потом слово ‘аэропорт’ и в исходной обособленной форме стало употребляться также без морфемы 飞 *fei*.

С другой стороны, пятисложные наименования очень часто сокращаются до четырёхсложных и затем до двусложных, например, названия должностей 外交部部长 *waijiaobu buzhang* ‘министр иностранных дел’, 总务处处长 *zongwuchu chuzhang* ‘начальник общего отдела’ были преобразованы до четырехслога 外交部长 *waijiaobuzhang* ‘министр иностранных дел’ и 总务处长 *zongwuchuzhang* ‘начальник общего отдела’ [16, 31—32]. Интересно отметить, что название должности «министр иностранных дел» и далее подверглось трансформации, и теперь доведёно до двуслога 外长 *waizhang*, который на сегодняшний день и является единственной формой обозначения должности «министр иностранных дел» по крайней мере, в средствах массовой информации КНР.

Таким образом, наиболее устойчивыми количественными единицами китайского языка оказываются двуслоги и четырёхслоги. Это позволяет охарактеризовать ритм китайской речи в целом как двусложный, однако вместе с тем, очевидно, что её ритмом

управляют сложные законы [16, 32].

Китайская речь характеризуется определённым ритмом, который связан с её физическими основами и специально используется в эстетической функции. Ритм речи формируется и поддерживается соблюдением определённого числа слогов в лингвистических единицах разного уровня или чередования в некоторой последовательности ударных и безударных слогов, образующих высказывание или текст большего размера.

Как и в музыкальном ритме, в языковом ритме китайского языка различаются устойчивые и неустойчивые единицы. Основной ритмической единицей китайского языка является слог. Как единица речевого ритма она неустойчива и потому выступает в речи в сочетании с другими единицами. Слоговые морфемы объединяются в количественные единицы: двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги, которые с точки зрения речевого ритма являются устойчивыми ритмическими единицами. Минимальной ритмически устойчивой количественной единицей китайского языка является двуслог. Количественные единицы старших уровней образуются с помощью сложения минимальных: неустойчивого однослога и устойчивого двуслога. Двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги являются устойчивыми единицами речевого ритма [17, 16].

Обычно морфемы китайского языка группируются в количественные единицы, которые представляют собой просодическое, морфологическое и семантическое единство. Количественные единицы китайского языка непосредственно связаны с ритмом речи. Они представляют собой аналогию метрических единиц в музыке и стихосложении, где двуслог соответствует элементарному двудольному такту, трёхслог — трёхдольному такту, четырёхслог — фразе, т.е. сочетанию двух элементарных тактов. Эти количественные единицы представляют собой морфологический аналог слога на фонологическом уровне. Возможно, по случайному совпадению слог китайского языка содержит от одной до четырёх фонем, а традиционные ритмические единицы — от одного до четырёх слогов. Эти аналогии свидетельствуют об общемзыкальных принципах метрической организации ритма китайской речи.

В традиционной китайской поэзии, особенно в период Тан, когда стихотворный

жанр достиг расцвета, количество слогоморфем (иероглифов) в поэтических строках было строго детерминировано. Тяга к параллелизму в смысле наличия одинакового числа знаков в ритмических группах — одна из главных особенностей классических китайских текстов. Эти особенности обусловлены ритмической структурой языка, которая предполагает, что слогоморфема составляет наименьшую ритмическую единицу, равняющуюся одному такту.

В китайском языке правила ритма действуют не только в поэзии, но также и в обычной речи. В устной, непринуждённой речи ритмические правила сочетания слов выдерживаются не всегда, однако в письменной речи и, особенно при образовании устойчивых сочетаний, они выполняются достаточно строго. Ритмические правила китайской речи оказывают существенное влияние не только на количественные характеристики лингвистических единиц, но также и на способы семантического сочетания морфем, входящих в их состав [17, 22].

Минимальной количественной единицей китайского языка является двуслог или бином. Он представляет собой ту минимальную структурную единицу, где проявляются ритмико-акцентуационные, семантические и грамматические отношения между его морфемами. Количественные единицы старших уровней представляют собой сочетание двуслога с однослогом, двуслога с двуслогом и т.д. Количественные единицы, состоящие из более, чем четырёх слогов, встречаются редко. Обычно они представляют собой комбинации количественных единиц старших уровней из 5—8 слогов.

Важной особенностью синтактики морфем китайского языка в составе количественных единиц являются ритмические правила их сочетания. Смысл ритмических правил состоит в том, что количественная единица китайского языка предпочтительно вступает в синтагматические отношения с количественными единицами определённого ритмического размера. Так односложная морфема вступает в синтагматические отношения с односложной морфемой и тем самым образуется двуслог или бином. Двуслоги предпочтительно сочетаются с двуслогами. Таким образом, налицо тенденция к количественной симметрии грамматически связанных лингвистических единиц. В случае двуслогов и че-

тырёхслогов симметрия бывает полной, при сочетании односложной морфемы с двусло-гом или двуслога с трёхслогом образуются асимметричные трёхсложные количественные единицы. При образовании количественных единиц ритмические правила столь же обяза-тельны, как и синтаксические.

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китай-ского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: од-нослога, двуслога и т.д.

Приведённые выше факты относительно количественных единиц китайского язы-ка показывают, что одно и то же значение может быть передано единицами различного количественного уровня. Способность китайского слова к расширению и сокращению в зависимости от ритмических и стилистических требований обычно свойственна не толь-ко словам, состоящим из нескольких знаменательных морфем, но также и словам с суф-фиксами. Соответствующий пример встречаем в статье Б.А. Васильева и Ю.К. Щуцкого «Ритм и параллелизм в китайском языке»: «В Китае, при условиях старо-китайского об-разования, гаманистического и художественного в своей основе — изящество речи игра-ло всегда громадную роль. Во всяком случае, это было так в образованных кругах, созда-вавших изучаемый нами язык. А так как плоды китайской культуры имели достаточно времени, чтобы в известной мере проникнуть в самые широкие слои китайского народа, — то не удивительно, что в них проникло и чутьё параллелизма. Поэтому не удивительно также, что часто (гораздо чаще, чем у нас) китайские гончары создают парные, парал-лельные вазы, китайские каллиграфы и художники пишут парные панно (дуй-цзы) и даже рядовой китаец в повседневной речи прибегает к ритмическим приёмам. Однажды нам пришлось заметить, что энклитика 子 *zi* в таком бытовом слове, как 桌子 *zhuozi* ‘стол’ может присутствовать или отсутствовать в зависимости от ритма. В данном случае во-прос был поставлен: 这是什么桌子? *zhe shi shenme zhuozi?* ‘это какой стол?’, а ответ был 这是一张书桌 *zhe shi yi zhang shu zhuo* ‘это (один) письменный стол’, где выпала в угоду

хорею энклитика. И тут же говоривший пользовался формой 书桌子 *shuzhuozi* ‘письменный стол’ с энклитикой, когда это допускал парный ритм слов: Он сказал: 书桌子上有纸 *shuzhuozi shang you zhi* ‘на письменном столе есть бумага’. То же чувство ритма и парности руководит китайцем, когда он говорит или 我的国家 *wo de guojia* ‘моя страна’ (где есть показатель 的 *de*), или — 我国 *wo guo* ‘моя страна’ (где в угоду парности пропущено 的)» [2, 568—569].

Данная особенность лексической системы китайского языка, заключающаяся в функционировании целого слоя лексических единиц в речи в виде двух форм (вариантов) — суффиксальной (преимущественно двусложной) и бессуффиксальной, неоднократно рассматривалась в работах синологов. Н.Н. Коротков называл чередующиеся единицы либо вариантами, либо лексическими вариантами [8]. В работах В.М. Солнцева вариативность односложных и двусложных единиц получила название «двойной формы существования слова». В.М. Солнцев писал: «Специфической для китайского языка является функция «морфологизации» уже существующих существительных. При обрастании таких существительных суффиксом образуется производное по форме (структуре) слово, чётко делимое на корень и аффикс: 刷 *shua* ‘щётка’ — 刷子 *shuazi* ‘щётка’, где 刷 *shua* — корень, а 子 *zi* — аффикс. При таком «обрастании» семантика слова часто не меняется. Семантически нового слова не возникает. Это дало основание говорить о двух формах существования слов в китайском языке. Две формы существования образуются не только за счёт аффиксов, но и за счёт словосложения с помощью таких компонентов, которые не меняют значения (или мало меняют значение) исходного односложного слова. Как правило, это синонимичные компоненты» [14, 209—210].

Проблемой двух форм слова в рамках слов с суффиксами занимается И.Б. Кульчицкая. Проанализировав данные по материалам Словаря современного китайского языка под редакцией проф. Кураиси, включающего 56 тыс. словарных статей, И.Б. Кульчицкая выявила, что Словарь Кураиси фиксирует 321 семантически тождественную пару однодвуслогов. Анализ словарей убедительно показывает, что в лексической системе китай-

ского языка достаточно широко распространено явление двойной формы существования слова. В случае, когда оба члена пары квалифицируются как слова, они могут рассматриваться как лексические варианты. Количество подобных пар в речи гораздо больше, чем зафиксировано в словарях [9, 45—47].

«Интересные соображения относительно суффикса 儿 *er* приводит китайский автор Чжан Нин. В отдельную группу Чжан Нин выделил, прежде всего, случаи, когда присоединение суффикса 儿 *er* не влечёт за собой никаких грамматических изменений и семантических сдвигов в новой единице. По его мнению, в этих случаях на выбор того или иного варианта слова оказывают влияние субъективное намерение говорящего, а также характерные черты стиля современного китайского языка. Заслуга автора в том, что он на своём материале показал, что в современном китайском языке действительно существует пласт слов, которые и в суффиксальной форме не различаются ни в грамматическом, ни в семантическом отношении, то есть являются, как их принято называть в отечественном китаеведении, двумя формами существования слова», цит. по [10, 105].

Как отмечает И.Б. Кульчицкая, явление «двух форм существования слов» довольно широко распространено в лексике современного китайского языка. Как показывает её исследование словаря под редакцией профессора Кураиси объёмом 10000 слов, в словаре имеется более 300 вариативных пар. Анализ материалов данного словаря, а также Китайско-русского словаря 1990 года показал, что выбор варианта определяется в большинстве случаев внутриязыковыми причинами. Исходя из проделанного анализа, Кульчицкая также отмечает, что в языке идёт процесс функциональной дифференциации членов вариативной пары бессуффиксальной и суффиксальной форм. Даже в рамках одного и того же контекста предпочтение отдаётся одной или другой форме. Например: в составе сложного слова 弯身 *wanshen* ‘изогнуться’ (букв. ‘изогнуть’ + ‘тело’) употребляется бессуффиксальная форма 身 *shen* ‘тело’, а в составе предложения 弯着身子收割 *wanzhe shenzi shouge* ‘наклонившись убирать урожай’ слово 身 *shen* ‘тело’ имеет суффиксальную форму [10, 105—107].

Се Хунхуа относительно закономерностей выбора односложных или двусложных вариантов слов говорит о термине 骈偶 *pin'ou* 'симметричная спаренность'. Под этим явлением понимается явление тяготения однослога к однослогу и двуслога к двуслогу [37, 491]. Древний китайский язык являлся моносиллабическим, но базовые ритмические тенденции были направлены к двуслогу [27, 65—77]. В «Шицзине» в основе текста лежат четырёхсложные образования. Большинство фразеологизмов типа чэньюй также имеют четырёхсложную структуру. И везде базовым тактом является двусложный такт. Се Хунхуа в качестве примера приводит слово 国 — 国家 *guo — guojia* 'государство, страна' в виде однослога и двуслога. Односложный вариант употребляется только в сочетании с односложными словами, а двусложный только с двуслогами:

А 此国 *ci guo* 'это государство', 国事 *guoshi* 'государственные дела', 国都 *guodu* 'столица государства', 国策 *guoce* 'государственная политика', 国有 *guoyou* 'государственная собственность'.

Б 这个国家 *zhege guojia* 'это государство', 国家大事 *guojia dashi* 'государственные дела', 国家首都 *guojia shoudu* 'столица государства', 国家政策 *guojia zhengce* 'государственная политика', 国家所有 *guojia suo you* 'государственная собственность'.

Здесь в примерах группы **А** ни в коем случае нельзя употребить двусложный вариант слова 'страна, государство', и в примерах группы **Б** также нельзя двуслог заменить однослогом. Среди существительных эта закономерность весьма распространена. Однако и по другим частям речи правила ритма действуют также. В своей работе Ли Линьдин [28, 133—139] приводит немало примеров по глаголам:

А 种花 *zhong hua* 'сажать цветы', 种草 *zhong cao* 'сажать травы';

选课 *xuan ke* 'выбирать учебный курс'; 浇花 *jiao hua* 'поливать цветы';

办案 *ban an* 'вести дела (документы)'.

Б 种植花草 *zhongzhi huacao* 'сажать цветы и травы'; 选择课程 *xuanze kecheng* 'выбирать учебный курс'; 浇灌花木 *jiaoguan huamu* 'поливать цветы'; 办理案件 *banli anjian*

‘вести дела (документы)’.

Некоторые ритмические двусложные и односложные синонимы могут редуцироваться или дополняться для достижения ритмического соответствия:

А 稍等 *shao deng* ‘немножко подождать’, но не * 稍等候 *shaodenghou*

Б 稍稍等候 *shaoshao denghou* ‘немножко подождать’,

稍微等等 *shaowei dengdeng* ‘немножко подождать’,

* 稍稍 / 稍微等 *shaoshao / shaowei deng*.

Наречие 稍 *shao* ‘немного; чуть’ может сочетаться только с односложным глаголом, а его ритмические синонимы наречия 稍稍 *shaoshao* ‘немного; чуть’ и 稍微 *shaowei* ‘немного; чуть; слегка’ могут сочетаться только с двусложными глаголами или глагольными группами.

Однако правилам количественной симметрии подчиняются и трёхсложные слова и словосочетания. Здесь встаёт проблема выбора сочетания двуслога с однослогом и однослога с двуслогом. Если говорить о глагольно-объектных структурах или структурах глагола с дополнительным элементом, то здесь если дополнение двуслог, то глагол может быть как однослогом, так и двуслогом; если же дополнение однослог, то глагол может быть только однослогом. По крайней мере, при односложном дополнении очень редко встречаются двусложные глаголы. Рассмотрим примеры:

2+2	1+2	1+1
读报 – 阅读报纸	读报 – 读报纸	读报 – *阅读报
修车 – 修理汽车	修车 – 修汽车	修车 – *修理车
说清 – 说明清楚	说清 – 说清楚	说清 – *说明清
加上 – 添加上去	加上 – 加上去	加上 – *添加上

读报 *du bao* ‘читать газету’ — 阅读报纸 *yuedu baozhi* ‘читать газету’,

读报 *du bao* ‘читать газету’ — 读报纸 *du baozhi* ‘читать газету’,

读报 *du bao* ‘читать газету’ — * 阅读报 *yuedu bao*,

修车 *xiu che* ‘ремонттировать автомобиль’ — 修理汽车 *xiuli qiche* ‘ремонттировать автомобиль’,

修车 *xiu che* ‘ремонттировать автомобиль’ — 修汽车 *xiu qiche* ‘ремонттировать автомобиль’,

修车 *xiu che* ‘ремонттировать автомобиль’ — * 修理车 *xiuli che*,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — 说明清楚 *shuoming qingchu* ‘чётко объяснить’,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — 说清楚 *shuoqingchu* ‘чётко объяснить’,

说清 *shuoqing* ‘чётко объяснить’ — * 说明清 *shuomingqing*,

加上 *jiashang* ‘добавить’ — 添加上去 *tianjiashangqu* ‘добавить’,

加上 *jiashang* ‘добавить’ — 加上去 *jiashangqu* ‘добавить’,

加上 *jiashang* ‘добавить’ — * 添加上 *tianjiashang*.

В четырёхсложных ритмических группах структура в основном стандартная — это двуслог + двуслог. Это могут быть копулятивные связи, например, 科学文化 *kexue wenhua* ‘наука и культура’, 政治经济 *zhengzhi jingji* ‘политика и экономика’; могут быть атрибутивные связи: 悠久历史 *youjiu lishi* ‘длительная история’, 文化中心 *wenhua zhongxin* ‘культурный центр’; могут быть глагольно-объектные: 参加舞会 *canjia wuhui* ‘присутствовать на балу’, 整理房间 *zhengli fangjian* ‘наводить порядок в комнате’.

Есть также четырёхсложные ритмические группы, где структура построена из четырёх однослогов: 1+1+1+1, которую можно преобразовать в форму (1+1)+(1+1), например: 听说读写 *ting shuo du xie* ‘слушать, говорить, читать, писать’ (основные навыки при овладении языком), 东南西北 *dong nan xi bei* ‘юго-восток и северо-запад’, 笔墨纸砚 *bi mo zhi yan* ‘кисть, тушь, бумага, тешечница’ (четыре драгоценности рабочего кабинета), 东西南北 *dong xi nan bei* ‘восток, запад, юг, север’, 望闻问切 *wang wen wen qie* ‘осмотр, прослушивание, опрос, прощупывание пульса’ (четыре основных метода освидетельствования больного в китайской медицине). Это ритмически и семантически устойчивые соче-

тания, они вполне соответствуют нормам парной симметрии. Причём однородные и, казалось бы, равноправные компоненты здесь нельзя менять местами: их последовательность фиксирована в соответствии с устоявшимися традиционными воззрениями на статус и первостепенность обозначаемых референций и по принципу благозвучия.

Есть также ритмические структуры $2+(1+1)$, где в препозиции двуслог, а в постпозиции два однослога, и $(1+1)+2$, где в препозиции два однослога, а в постпозиции двуслог, например, 评判好坏 *pingpan hao huai* ‘давать оценку хорошему и плохому’, 新旧家具 *xin jiu jiaju* ‘новая и старая мебель’. Однако структуры типа $1+2+1$ очень редки, так как они ритмически неустойчивы.

Таким образом, ритмические закономерности в китайском языке напрямую влияют на выбор ритмических количественно дифференцированных синонимов. Однако необходимо указать на то, что это влияние не абсолютно, к примеру, можно обнаружить лексические структуры типа $2+1$: 整理书 *zhengli shu* ‘привести в порядок книги’.

V. Синтаксические факторы, влияющие на выбор РКДС

Влияют ли на состав китайского слова синтаксические факторы? На этот вопрос многими исследователями дан утвердительный ответ (см. [23, 24, 32, 33, 34, 35]).

И Н.Н. Коротков, и В.М. Солнцев выделили вопрос о синтаксических различиях односложных и двусложных членов пары [8; 14].

По мнению В.М. Солнцева, при образовании двусложной формы путём аффиксации, во-первых, сам суффикс семантически избыточен, и во-вторых, обе формы тождественны по значению, а различие слов проявляется в характере их синтаксического функционирования. В отличие от двусложных слов многие односложные в основном употребляются в синтаксически зависимых позициях, а ограничения в их употреблении создаются за счёт различных структурно-грамматических факторов.

Проанализированные учёными материалы позволяют ясно увидеть то, что синтаксические факторы влияют на выбор РКДС.

Однослоги и двуслоги в плане синтаксиса неравнозначны. Обнаружено, что двуслоги синтаксически вполне могут замещать однослоги, но однослоги не могут выполнить синтаксическую функцию двуслога. Поэтому синтаксическая активность двуслогов более многообразна. Например, односложные глаголы в основном выполняют синтаксическую функцию сказуемого, а их ритмические двусложные синонимы кроме функции сказуемого ещё могут выполнять функции подлежащего, дополнения и определения [37, 493].

Например, в следующих двух предложениях ритмические синонимы 考 *kao* и 考试 *kaoshi* ‘экзаменоваться, принимать участие в экзамене’ выполняют функцию глагольного сказуемого:

他们今天考。 *Tamen jintian kao.* ‘У них сегодня экзамен’ (букв. ‘Они сегодня экзаменуют(ся)’),

他们今天考试。 *Tamen jintian kaoshi.* ‘У них сегодня экзамен’ (букв. ‘Они сегодня экзаменуют(ся)’).

В следующих же предложениях слово 考试 *kaoshi* ‘экзамен’, транспонируясь в существительное, выступает соответственно в функциях подлежащего, дополнения и определения. Здесь слово 考试 *kaoshi* ‘экзамен’ не может быть заменено своим односложным ритмическим синонимом 考 *kao* ‘экзаменоваться’, который не имеет способности транспонироваться в существительное. Как пишет Н.Н. Коротков «...одним из признаков, влияющих на грамматические свойства слова, является его характеристика с количественной стороны (квантитативная): одноморфемность (односложность) или двуморфемность (двусложность). Односложное слово с основным глагольным значением в свободных словосочетаниях может быть, за крайне редкими исключениями, всегда только глаголом, очень многие двусложные слова в равной мере имеют и глагольное и именное употребление» [8, 60].

这次考试很成功。 *Zhe ci kaoshi hen chenggong.* ‘Этот экзамен прошел успешно’;

大家都参加考试。 *Dajia dou canjia kaoshi.* ‘Все принимают участие в экзамене’;

考试科目很多。 *Kaoshi kemu hen duo*. ‘Дисциплин, по которым необходимо сдавать экзамен, очень много’.

Односложный глагол 考 *kao* ‘экзаменоваться’ может выступить в функции определения, но тогда его необходимо дополнить служебной морфемой 的 *de*:

考的科目很多。 *Kao de kemu hen duo*. ‘Дисциплин, по которым необходимо сдавать экзамен, очень много’.

Из всего этого видно, что однослоги больше подвержены разного рода синтаксическим ограничениям. Двуслоги же больше обладают способностью к частеречной транспозиции, и поэтому они синтаксически более активны и сфера их употребления шире. В своих исследованиях Лю Юэхуа среди 244 глаголов, способных к транспозиции в существительное, обнаружила всего 7 односложных глаголов (摆 *bai* ‘ставить; класть’, 包 *bao* ‘завёртывать; упаковывать’, 病 *bing* ‘заболеть; болеть’, 刺 *ci* ‘колоть; жалить’, 点 *dian* 1. ‘сверять’ 2. ‘выбирать’ 3. ‘капать’ 4. ‘поставить (точку)’ 5. ‘дотронуться’ 6. ‘сажать (в лунки)’, 垛 *duo* ‘укладывать, складывать’, 堆 *dui* ‘наваливать, нагромождать’), остальные 237 глаголов двусложные, что составило более 97% [29, 103—105].

Ограничения выбора РКДС, связанные со способностью

к сочетанию с другими словами

Односложные и двусложные ритмические синонимы показывают разные функциональные способности к сочетанию с другими словами. Здесь кроме ритмических факторов, о которых мы говорили выше, ещё обнаруживают себя факторы грамматические. Например, в словосочетаниях атрибутивной модели «прилагательное+существительное» атрибутивное прилагательное перед односложным или двусложным существительным в большинстве случаев односложное. Однако если между прилагательным и существительным употребить частицу 的 *de*, то чаще употребляется только двусложное прилагательное, схематически это можно изобразить так:

Прилаг. (однослог) + сущ. (однослог, двуслог)

Прилаг. (двуслог) + 的 *de*+сущ. (однослог, двуслог)

Рассмотрим примеры:

老屋, 老房子, 古老的房屋, * 老的屋

静夜, 安静的夜, 安静的夜晚, * 静的夜

老屋 *lao wu* ‘старый дом’ 老房子 *lao fangzi* ‘старый дом’ 古老的房屋 *gulao de fangwu* ‘стар(инн)ый дом’ * 老的屋 *lao de wu*

静夜 *jing ye* ‘тихая ночь’ 安静的夜 *anjing de ye* ‘тихая ночь’ 安静的夜晚 *anjing de yewan* ‘тихая ночь’ * 静的夜 *jing de ye*

В словосочетаниях атрибутивной модели типа «наречие+глагол» наречие, напрямую описывающее двусложный или односложный глагол может быть как двусложным, так и односложным, но если между ними употребить служебную частицу 地 *de*, то наречие должно быть обязательно двусложным. Схематично это можно изобразить так:

Наречие (одно-, двуслог) + глаг. (одно-двуслог)

Наречие (двуслог) + 地 *de* + глаг. (одно-двуслог)

Рассмотрим примеры:

细算

乱喊

快来

细心算, 仔细算

杂乱喊

赶快来

细心地算, 仔细地算

杂乱地喊

赶快地来

细心地计算, 仔细地计算

乱地叫喊

赶快地回来

* 细地算 * 细地计算 * 乱地喊 * 乱地叫喊 * 快地来 * 快地回来

细算 *xi suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心算 *xixin suan*, 仔细算 *zixi suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心地算 *xixin de suan*, 仔细地算 *zixi de suan* ‘тщательно подсчитывать’,

细心地计算 *xixin de jisuan*, 仔细地计算 *zixi de jisuan* ‘тщательно подсчитывать’,

* 细地算 *xi de suan* * 细地计算 *xi de jisuan*.

乱喊 *luan han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱喊 *zaluhan han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱地喊 *zaluhan de han* ‘кричать всякий вздор’,

杂乱地叫喊 *zaluhan de jiaohan* ‘кричать всякий вздор’,

* 乱地喊 *luan de han* * 乱地叫喊 *luan de jiaohan*.

快来 *kuai lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快来 *gankuai lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快地来 *gankuai de lai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

赶快地回来 *gankuai de huilai* ‘поскорее (срочно) приходи (приезжай)’,

* 快地来 *kuai de lai* * 快地回来 *kuai de huilai*.

Наречия, способные в функции обстоятельства принимать служебную частицу *de*, также обязательно должны быть двусложными. Для примера рассмотрим предложения с вариантами наречия 渐 *jian* ‘постепенно’ — 逐渐 *zhujian* ‘постепенно’:

天渐亮。 *Tian jian liang*. ‘Светает’.

天逐渐地亮了。 *Tian zhujian de liangle*. ‘Светает’.

* 天渐地亮了。 *Tian jian de liangle*.

Во многих структурах типа «глагол1+来 *lai* ‘сюда’ глагол1+去 *qu* ‘туда’» всегда преимущественно употребляются односложные глаголы, и только в случае отсутствия у глагола односложной формы употребляется двусложный глагол. Здесь, конечно же, работает закон экономии лингвистических средств языковой коммуникации.

Приведём примеры:

学来学去也学不会。 *Xuelai xuequ ye xue buhui*. ‘И так учил и этак учил, но так и не выучил’.

* 学习来学习去也学习不会。 *Xuexilai xuexi qu ye xuexi buhui*.

找来找去也找不到。 *Zhaolaizhaoqu ye zhaobudao*. ‘Искал и там и сям, да так и не нашёл’.

* 寻找来寻找去也寻找不到。 *Xunzhaolaixunzhaoqu ye xunzhaobudao.*

研究来研究去也研究不出什么东西。 *Yanjiulaiyanjiuqu ye yanjiubuchu shenme dongxi.* ‘Исследовал-исследовал, но так ничего и не получилось’.

Ещё один пример. Слово 除 *chu* ‘кроме’ синонимично слову 除了 *chule* ‘кроме; помимо; за исключением’, однако однослог 除 *chu* ‘кроме’ не может употребляться сам по себе, чтобы его употребить его необходимо совместить со словами 外 *wai* ‘помимо’ / 之外 *zhiwai* ‘кроме; сверх’ / 以外 *yiwai* ‘вне; помимо; кроме’ и тем самым сформировать рамочные конструкции типа «除. 外 / 之外 / 以外» “*chuwai/zhiwai/yiwai*” ‘кроме; помимо; за исключением’. Сравним:

除周末外, 我都没有时间。 *Chu zhoumo wai, wo dou mei you shijian.* ‘Кроме как в конце недели, у меня больше времени нет’.

除了周末, 我都没有时间。 *Chule zhoumo, wo dou mei you shijian.* ‘Кроме как в конце недели, у меня больше времени нет’.

* 除周末, 我都没有时间。 *Chu zhoumo, wo dou mei you shijian.*

Как видно из примеров, в первом правильном предложении во вводной фразе ‘кроме как в конце недели’ присутствует ритм двуслога даже в «разорванном» варианте рамочной конструкции «除. 外» “*chuwai*” ‘кроме’.

Влияние синтаксической позиции на выбор РКДС

Позиция слова в предложении также влияет на выбор ритмических синонимов. Например, отрицание перед глаголом существует в китайском языке в двух вариантах двусложном 没有 *meiyou* ‘не; нет’ и односложном 没 *mei* ‘не; нет’. Однако однослог 没 *mei* ‘не; нет’ не может употребляться обособленно в ответе на вопрос:

她去过中国没有? 没有。 *Ta quguo Zhongguo meiyou? Meiyou.* ‘Она бывала в Китае? Нет’.

* 她去过中国没? 没。 *Ta quguo Zhongguo meiyou? Mei.*

Предлог 对 *dui* — 对于 *duiyu* ‘для, к, в отношении’ также существует в двух вари-

антах — в двусложном и односложном, однако двусложный вариант этого предлога 对于 *duiyu* не употребляется после вспомогательных глаголов и после наречий [36], цит. по [37, 495]. Рассмотрим примеры:

我们会对此作出决定。 *Women hui dui ci zuochu jue ding* ‘Относительно этого мы сможем принять решение’.

* 我们会对于此作出决定。 *Women hui duiyu ci zuochu jue ding*.

大家都对这个问题很感兴趣。 *Dajia dou dui zhege wenti hen ganxingqu*. ‘Все очень интересуются этой проблемой’.

* 大家都对于这个问题很感兴趣。 *Dajia dou duiyu zhege wenti hen ganxingqu*.

Наречия, способные занимать позицию перед именным сказуемым и в начале предложения, а также наречия, которые способны принимать частицу 的 *de* и употребляться самостоятельно, в своём большинстве употребляются в своих двусложных вариантах.

К примеру, наречия 已 *yi* ‘уже’ / 已经 *yijing* ‘уже’, 恰 *qia* ‘как раз; кстати’ / 恰好 *qiahao* ‘как раз; кстати; в самый раз’ не могут употребляться в односложных своих вариантах 已 *yi*, 恰 *qia* перед именным сказуемым. А наречия 果 *guo* ‘в действительности; на самом деле’ / 果然 *guoran* ‘действительно; в самом деле’, 本 *ben* ‘сначала, первоначально’ / 本来 *benlai* ‘первоначально; вначале; в своё время’ не могут употребляться в односложных вариантах 果 *guo*, 本 *ben* в начале предложения.

已经星期三了。 *Yijing xingqisan le*. ‘Уже среда’.

* 已星期三了。 *Yi xingqisan le*.

你们八个人恰好一桌。 *Nimen bage ren qiahao yi zhuo*. ‘Вы восемь человек как раз (усядитесь за) один стол’.

* 你们八个人恰一桌。 *Nimen bage ren qia yi zhuo*.

果然他准时到了。 *Guoran ta zhunshi daole*. ‘Он, в самом деле, прибыл вовремя’.

* 果他准时到了。 *Guo ta zhunshi daole*.

本来我要出去。 *Benlai wo yao chuqu*. ‘Вообще-то я собирался уйти’.

*本我要出去。 *Ben wo yao chuqu*.

Из сорока наречий, способных оформлять сочетания числительных с классификаторами, которые проанализировали Лу Цзяньмин и Ма Чжэнь [30], только 8 наречий односложны (刚 *gang* ‘только что’, 只 *zhi* ‘только; лишь’, 仅 *jin* ‘только; лишь; всего лишь’, 就 *jiu* ‘сейчас; скоро; сразу’, 才 *cai* ‘только; лишь’, 都 *dou* ‘все’, 也 *ye* ‘тоже; также’, 共 *gong* ‘всего; итого’), остальные 32 наречия — двуслоги, что составило 80%, цит. по [37, 495].

К.В. Антонян в своей монографии «Морфология результативных конструкций в китайском языке» в разделе 1.7.2. «Приведение высказывания к некоторой количественно-ритмической норме» пишет: «Я. Прушек в работе, посвящённой глагольным видам в СКЯ, отмечает, что употребление видовых морфем (к ним Я. Прушек относит и частично десемантизированные дополнительные элементы) определяется не только необходимостью выражения некоторых семантических оттенков, но и необходимостью выполнения ими некоторых чисто конструктивных функций, в частности, необходимостью доведения односложного глагола до двусложного состава (например, в соответствии с требованиями ритмики)», цит. по [1, 49]. «Виды китайского языка представляют собой частный случай более общего феномена – распространения слов» [25], цит. по [1, 49—50]. Далее К.В. Антонян приводит интересные примеры употреблений дополнительных элементов, обусловленных чисто конструктивными причинами. Некоторые из них приведём и мы:

已过去的事我不提了，也不准你再提起！ *Yi guoqu de shi wo bu ti le, ye bu zhun ni zai tiqi!* ‘О прошлых делах я больше говорить не буду, и тебе не разрешаю о них заговаривать!’ [1, 50—51].

В первой части предложения глагол 提 *ti* ‘упоминать (о чём-либо)’ занимает конечную позицию: после него стоит модальная частица 了 *le*, обозначающая изменение положения вещей; во второй части предложения 提 *ti* занимает конечную позицию, и это является причиной оформления его дополнительным элементом 起 *qi*. Если попробовать

опустить 起 *qi*, предложение будет восприниматься как незаконченное.

Примером употребления дополнительных элементов результата, обусловленных чисто конструктивными причинами, является их употребление в *ba*- и *bei*-предложениях.

Сказуемое в *ba*- и *bei*-предложениях не может выражаться неоформленным глаголом, за исключением глаголов результативной структуры или глаголов с суффиксом 化 *hua* (обозначающим превращение, ср. 绿化 *lühua* ‘озеленить’ от 绿 *lǜ* ‘зелёный’). Во всех остальных случаях либо перед глаголом должно быть обстоятельство, либо глагол должен иметь некоторое постпозитивное оформление. Это постпозитивное оформление может быть представлено показателями вида, косвенным дополнением, предложно-именными группами, а также дополнительными элементами (ДЭ), то есть ДЭ количества, ДЭ степени, ДЭ результата [1, 51]. Например, нельзя сказать: «Повесь одежду!» — в виде

*把衣服挂! *Ba yifu gua!*

Глагол-сказуемое обязательно должен быть оформлен, ср.:

把衣服挂上! *Ba yifu guashang!* ‘Повесь одежду!’ — или

把衣服挂到衣柜里! *Ba yifu guadao yigui li!* ‘Повесь одежду в шкаф!’

Эти ограничения не случайны. Развитие результативной конструкции исторически связано с развитием *ba*- и *bei*-предложений.

В языке дуньхуанских бяньвэней (IX—X вв.) глагол-сказуемое в *ba*-предложении мог быть заключительным [6, 243] (цит. по [1, 51]); в эпоху Сун (960—1279 гг.), по свидетельству G. Kallgren [6, 246] (цит. по [1, 52]) постпозитивное оформление сказуемого в *ba*-предложениях уже является необходимым.

Таким образом, необходимость употребления дополнительного элемента результата может определяться не только семантическими, но и чисто конструктивными факторами (в данных случаях — необходимостью постпозитивного оформления глагола-сказуемого) [1, 52].

Из всего вышесказанного, очевидно, что синтаксическая позиция слова влияет на выбор его односложного или двусложного РКДС.

Ритмические закономерности на уровне синтаксиса и грамматики

Выходя за рамки темы настоящей статьи, хотелось бы упомянуть о том, что некоторые исследователи китайского языка искали объяснение и решение некоторых проблем китайского языкознания в сфере ритмических закономерностей. Это подтверждает то, что ритмические закономерности оказывают определённое влияние и на более высокие уровни китайского языка. Например, Н.Н. Коротков, исследуя природу словоизменительных форм китайского языка и грамматические категории, указывает на такие дополнительные экстравербальные факторы, как ритмо-мелодические условия. Н.Н. Коротков предлагает рассмотреть факторы, которые оказались релевантными при переходе китайского глагола из языка в речь. Есть возможность классифицировать эти факторы по различным признакам, противопоставляющим одни из них другим. Однако все эти деления перекрываются главным, принципиальным — разделением всех этих факторов на две области: факторы основные, базисные, не зависящие от воли говорящего (объективные), и факторы дополнительные, накладывающиеся на факторы основные и иногда преодолевающие их, ломающие их сопротивление. Главную роль здесь играет логико-смысловая значимость слова. К дополнительным факторам, видимо, придётся отнести и ритмо-мелодические условия, учёт которых отчасти допускает возможность выбора говорящим той или иной формы [8, 352—353].

На страницах своей монографии «Проблемы скрытой грамматики» Тань Аошуан [20], например, в седьмой главе «Временные операторы» при описании показателя 呢 *ne* пишет: «.....следует обратить внимание на функцию частицы 呢 *ne*, связанную не с объяснительным выражением её собственного значения, а с организацией ритмики языка. Она заполняет недостающий «такт», без которого предложение представляется грамматически неправильным. Например, пропозиция «Мы сейчас обсуждаем (этот вопрос)» допускает следующие варианты оформления предикации:

- (1) 我们在讨论 *Women zai taolun*,
- (2) 我们正在讨论 *Women zheng zai taolun*,

(3) 我们正在讨论着 *Women zheng zai taolunzhe*,

(4) 我们正在讨论着呢 *Women zheng zai taolunzhe ne*,

однако невозможно

(5) * 我们正讨论 *Women zheng taolun*.

Несмотря на то, что вариант (5) ничем не примечателен со смысловой точки зрения, данная ритмическая организация с учётом выделения предикативного слова *讨论 taolun* ‘обсуждать’ нарушает норму языка. Сравните следующие выражения пропозиции

«Он сейчас занят»:

(1) 他在忙 *Ta zai mang*,

(2) 他正在忙 *Ta zheng zai mang*,

(3) 他正忙着 *Ta zheng mangzhe*,

(4) 他正忙着呢 *Ta zheng mangzhe ne*,

(5) 他正在忙着呢 *Ta zhengzai mangzhe ne*,

при невозможности простого

(6) * 他正忙 *Ta zheng mang*.

Нам представляется, что вышеописанные требования уместны лишь при введении ситуации в поле зрения, а не при функционировании высказываний как частей других сообщений. При универсальной коммуникативной категории «сообщение» требуется полнота смысла, и введение показателя 正 *zheng* без показателя 在 *zai* или 呢 *ne* лишает сообщение законченности, что формально-ритмически выражается в отсутствии необходимых тактов» [20, 819].

Заметим, что, например, фраза ‘телефон абонента занят’ переводится на китайский язык в виде 用户正忙 *yonghu zheng mang*, где мы видим, что наличие двуслога 用户 *yonghu* ‘абонент’ устраняет необходимость сочетания показателя продолженного действия 正 *zheng* ‘именно в это время’ с показателем продолженного действия 在 *zai*. Употребление в этом примере одного показателя 正 *zheng* также обусловлено стилистически-

ми требованиями ритмики.

В этой же главе в разделе «Нетривиальные случаи употребления показателей 着 *zhe* и 在 *zai*» Тань Аошуан рассматривает группу примеров с 着 *zhe* и приходит к выводу, что ключ к некоторым употреблениям 着 *zhe* следует искать в сфере ритмической структуры языка, которая находится в тесном взаимодействии с его смысловой структурой.

В заключение своей монографии Тань Аошуан также пишет: «В тех случаях, когда у глагольных основ значение предела или результата уже выражено способом действия, направительные и результативные морфемы несут выделительную функцию. Их употребление мотивируется стилистическими или ритмическими требованиями» [20, 819].

Таким образом, можно сделать вывод, что важную роль в изолирующем строе, в котором основными единицами являются слогоморфемы, играет ритмическая структура речи, стремящаяся к симметричному распределению единиц по синтагмам (параллелизму). Здесь прослеживается явная тенденция к объединению слогоморфем в двусложные образования, составляющие элементарные ритмические единицы. Эта тенденция, ставшая уже правилом для словообразования, проникает и на синтаксический уровень, становясь не только фактором стилистики, но и зачастую грамматически обязательным правилом.

VI. Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что китайская речь строится по законам ритма, согласно которым речевые такты в высказывании формируются из двух, трёх, четырёх односложных слов или многосложных слов, состоящих из соответствующего числа слогов [7, 22—24]. Эти законы распространяются и на многосложные лингвистические единицы, поэтому ритмические правила являются одной из важных основ их формирования. Многосложные единицы китайского языка обладают просодией, внутренней грамматической структурой и значением. Согласно ритмическим правилам, они обладают также количественной характеристикой, которую можно условно назвать односложно-

стью, двусложностью, трёхсложностью, четырёхсложностью. От количественной характеристики зависит, прежде всего, их просодия, но также и некоторые грамматические особенности.

По поводу возможного числа слогов в количественных единицах китайские лингвисты считают, что точка их насыщения достигнута в четырёхслоге [18, 319]. Дальнейшее увеличение числа слогов приводит к их просодической перегрузке и требует цезуры между компонентами. Таким образом, по общему мнению, основными количественными единицами китайского языка являются двуслоги, трёхслоги, четырёхслоги. Лексические единицы китайского языка чаще всего бывают двухслогами и трёхслогами. Фразеологические единицы обычно бывают четырёхсложными. Пословицы и поговорки, которые выступают в речи как фразеологические единицы, часто состоят из пяти, шести, семи слогов. В принципе, они построены по просодическим правилам поэтических строк. В связной речи они разделены цезурой на более простые речевые такты [18, 319].

По своим синтаксическим свойствам многосложные единицы могут быть как неделимыми словами, так и словосочетаниями, легко распадающимися на составные части [5, 44—49]. Именно это имел в виду А.А. Драгунов, когда говорил, что качественные единицы китайского языка — слова и словосочетания — базируются на количественных единицах: двухсловах, трёхсловах, четырёхсловах [5, 50]. Слово «базироваться» здесь следует понимать в том смысле, что слова и словосочетания китайского языка существуют лишь в форме количественных единиц и обладают их просодическими свойствами, которые зависят только от числа слогов.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что римическая организация китайского языка базируется на двусловах. Это явление непосредственно связано с китайской культурной традицией — ханьцы с самого начала считали прекрасными парность и симметричность. Такая психологическая установка отразилась во многих сферах, например, в дворцовой и бытовой архитектуре (традиционный китайский дворик). Классическим образцом текстовой парности служат древние стихи. Словарь современного китайского языка свидетельствует о тенденции к бисиллабизации; многие однослоги классического

китайского языка распространяются в двуслоги. С другой стороны, современные многослоги сжимаются в двуслоги. Описанные распространение и сокращение, конечно, отчасти вызваны потребностями различения омонимов и необходимостью применения сокращений, но сам выбор двусложной формы никак нельзя считать случайным [19, 53—54].

Важным следствием ритмических требований к количественным единицам китайского языка является то, что в зависимости от этих требований одна и та же референция может осуществляться в речи с помощью количественной единицы разного состава: однослога, двуслога и т.д.

Таким образом, мы, проанализировав явление ритмической синонимии в китайском языке, приблизились к общему пониманию некоторых закономерностей формирования лексических единиц в потоке китайской речи. Можно сказать, что закономерности эти носят стабильный характер и обусловлены, прежде всего, факторами ритма, которые являются базовыми в создании потока китайской речи. В то же время существуют опосредованные факторы — стилистические, семантические, синтаксические, которые регулируют структуру этого ритмизованного потока китайской речи и соответственно структуру (количественно-слоговой состав) отдельных его элементов, то есть лексических единиц.

Список сокращений

РКДС — ритмические количественно дифференцированные синонимы

Литература

1. Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М., 2003.
2. Васильев Б.А., Щуцкий Ю.К. Ритм и параллелизм в китайском языке // Петербургское востоковедение, вып.6. СПб., 1994.
3. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. М., 1979.
4. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
5. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного

языка. Л., 1962.

6. Зограф И.Т. Среднекитайский язык. Становление и тенденции развития. М., 1979.

7. Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А. О ритмической структуре китайского текста // Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию образования КНР 27—28 октября 1999 г. СПб., 1999.

8. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.

9. Кульчицкая И.Б. Две формы существования слова в китайском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. Институт языкознания РАН. М., 1992.

10. Кульчицкая И.Б. Две формы существительных в современном китайском языке с точки зрения системы языка // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Институт языкознания РАН. М., 1996.

11. Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке. М., 1972.

12. Семенас А.Л. Формальные особенности словосложения в китайском языке // Языки Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Проблемы сложных слов. М., 1985.

13. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М., 2000.

14. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М., 1995.

15. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.

16. Софронов М.В. Китайский язык и китайское общество. М., 1979.

17. Софронов М.В. Введение в китайский язык. М., 1996.

18. Софронов М.В. Количественные и качественные единицы современного китайского языка // Китайское языкознание. Изолирующие языки. Материалы XII Международной конференции. Институт языкознания РАН. М., 2004.

19. Сунь Линь. О ритме в китайском языке // Вестник Московского университета, серия 13 «Востоковедение». М., 1997.

20. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики (синтаксис, семантика и праг-

матика языка изолирующего строя) на примере китайского языка, М., 2002.

21. Тараканова С.А. О значении термина «ляньмяньцзы» // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. Институт языкознания РАН. М., 1996.

22. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. М., 2003.

23. Alleton V. Le nombre de syllabes d un mot est-il pertinent en chinois contemporain? in *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*. Volume 23. Paris, 1994.

24. Peyraube A. Les constructions locatives en chinois moderne, Hongkong: Langages Croises, 1980.

25. Prushek J. Quelques remarques sur les aspects en Chinois // Archiv Orientalni. 1950. Vol. 18, № 1–2.

26. Chang Jingyu. Hanyu cihui yu wenhua. Beijing daxue chubanshe, 2000. [常敬宇《汉语词汇与文化》，北京大学出版社，2000] (Чан Цзиньюй. Лексика китайского языка и китайская культура. Издательство Пекинского университета, 2000).

27. Chen Jianmin. Hanyu kouyu. Beijing, 1984 [陈建民《汉语口语》，北京，1984] (Чэнь Цзяньминь. Разговорный китайский язык. Пекин, 1984).

28. Li Linding. Danshuang jie dongci he shuang yinjie dongci // Xiandai hanyu dongci. Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1990. [李临定《单双节动词和双音节动词》，见《现代汉语动词》，中国社会科学出版社，1990] (Ли Линьдин. Глаголы, существующие в односложной и двусложной формах и двусложные глаголы // Глаголы современного китайского языка. Китайское общественно-научное издательство, 1990).

29. Liu Yuehua. Shiyong xiandai hanyu yufa. Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 1983. [刘月华《实用现代汉语语法》，外语教学与研究出版社，1983] (Лю Юэхуа. Практическая грамматика современного китайского языка. Издательство по преподаванию и изучению иностранных языков, 1983).

30. Lu Jianming, Ma Zhen. Xiushi shuliangci de fuci. Beijing, 1985. [陆俭明，马真《修饰数量词的副词》，北京，1985] (Лу Цзяньмин, Ма Чжэнь. Наречия, оформляющие

счётные слова. Пекин, 1985).

31. Ma Zhen. Xian qin fuyinci chutan // Beijing daxue bai nian guoxue wencui, yuyan wenxianjuan, Beijing daxue Zhongguo chuantong wenhua yanjiu zhongxin bian, Beijing daxue chubanshe, 1998. [马真 《先秦复音词初探》，见 北京大学百年国学文粹·语言文献卷，北京大学中国传统文化研究中心编，北京大学出版社，1998]。(Ма Чжэнь. Предварительное исследование многосложных слов Доциньской эпохи // Альманах Пекинского университета «Сто лет китайской синологии», материалы по языку, составлено Исследовательским центром по традиционной китайской культуре Пекинского университета. Издательство Пекинского университета, 1998).

32. Zhang Guoxian. Dong+ming jiegou zhong danshuang yinjie dongzuo dongci gongneng chayi chutan. // Zhongguo yuwen. Di 3 qi. 1989. [张国宪 《“动+名”结构中单双音节动作动词功能差异初探》，见 《中国语文》第3期, 1989] (Чжан Госянь. Предварительное исследование функциональных различий глаголов действия глагольно-объектного типа связи элементов в форме однослога и в форме двуслога // Китайский язык. Третий выпуск. 1989).

33. Zhang Guoxian. Danshuang yinjie dongzuo dongci de gongneng chayi. // Dongci yanjiu. Hu Yushu, Fan Xiao zhubian. Henan daxue chubanshe, 1995. [张国宪, 《单双音节动作动词的功能差异》，见 《动词研究》胡裕树, 范晓主编, 河南大学出版社, 1995] (Чжан Госянь. Функциональные различия между глаголами действия в форме однослога и в форме двуслога // Исследования по глаголам. Под редакцией Ху Юйшу, Фань Сяо. Издательство Хэнаньского университета. 1995).

34. Zhang Guoxian. Danshuang yinjie xingrongci de xuanzexing chayi. // Hanyu xuexi. Di 3 qi. 1996. [张国宪 《单双音节形容词的选择性差异》，见 《汉语学习》第3期, 1996] (Чжан Госянь. Различия выбора прилагательных в форме однослога и в форме двуслога // Изучение китайского языка. Третий выпуск. 1996).

35. Zhu Dexi. Xiandai hanyu xingrongci yanjiu. Beijing shangwu yinshuguan. 1956. [朱德熙 《现代汉语形容词研究》，北京商务印书馆, 1956] (Чжу Дэси. Исследование

прилагательных современного китайского языка. Издательство Шанъу иньшугуань. 1956).

36. Xie Honghua. Fuci: dan yinjie haishi shuang yinjie? Di yi jie Ouzhou Zhongguo yuyanxue taolunhui lunwen. 1999. [谢红华 《副词：单音节还是双音节？》 第一届欧洲中国语言学讨论会论文, 1999]。 (Се Хунхуа. Наречие: Однослог или двуслог? // Первый Европейский симпозиум по китайскому языкознанию. Материалы. 1999).

37. Xie Honghua. Xiandai hanyu dan shuang yinjie tongyici xuanze de xianzhi yinsu // Di liu jie guoji hanyu jiaoxue taolunhui lunwenxuan. Beijing daxue chubanshe. 2000. [谢红华 《现代汉语单双音节同义词选择的限制因素》 第六届国际汉语教学讨论会论文选, 北京大学出版社, 2000] (Се Хунхуа. Факторы, ограничивающие выбор односложных и двусложных синонимов современного китайского языка. // Шестой Международный симпозиум по преподаванию китайского языка. Избранные статьи. Издательство Пекинского университета. 2000).